

КАЛЕНДАРЬ

ФЕВРАЛЬ 2021

Употреби труд, храни мерность — богат будеши;

воздержно пей, мало яждь — здрав будеши;

твори благо, бегай злаго — спасен будеши. *Из духовного завещания свт. Митрофана Воронежского*

ХРАМЫ: БЛАГОВЕЩЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ • СЯТИТЕЛЯ МИТРОФАНА ВОРОНЕЖСКОГО • ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ • СЯЩЕННОМУЧЕНИКА ВЛАДИМИРА МЕДВЕДЮКА • СЯЩЕГО МУЧЕНИКА ВОНИФАТИЯ • СЯЩЕННОМУЧЕНИКА ИОАННА АРТОБОЛЕВСКОГО • ТРОИЦЫ ЖИВОНАЧАЛЬНОЙ • УСПЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ • ПРЕПОДОБНОГО АНДРЕЯ РУБЛЕВА

Фото Валерия Коршунова

- 1** Татьяна Смирнова. ИЗ «ЗАПИСОК ПИСЬМОВОДИТЕЛЯ СТАРЦА».
К 15-ЛЕТИЮ СО ДНЯ КОНЧИНЫ АРХИМАНДРИТА ИОАННА (КРЕСТЬЯНКИНА)
16 С.И. Фудель. ЗАПИСКИ О ЛИТУРГИИ И ЦЕРКВИ • **20** Священник Сергей Бегиян.
УРОКИ КОРОНАВИРУСА • **22** Протоиерей Анатолий Нагорный. НОЧНАЯ СЛУЖБА
ПРЕПОДОБНОМУ САВВЕ ОСВЯЩЕННОМУ • **24** Мария Мономенова. ДЕДУШКА КРЫЛОВ
И ОПТИНСКИЕ СТАРЦЫ • **30** Протоиерей Илья Шапиро. ТАМ, ГДЕ ЧТУТ НОВОМУЧЕНИКОВ...
32 Монахиня Серафима (Константиновская). ПАМЯТИ ОТЦА ДИМИТРИЯ.
35 Протоиерей Димитрий Смирнов. ПРОПОВЕДЬ **38** ИЗ БАТЮШКИНЫХ ПРОПОВЕДЕЙ
39 ИНФОРМАЦИЯ. ОБЪЯВЛЕНИЯ • **40** РАСПИСАНИЕ БОГОСЛУЖЕНИЙ

В ночь на 26 декабря молодежь Северного округа участвовала в литургии, которую совершили в храме преподобного Сергия Радонежского на Ходынском поле. Руководитель приходского Молодежного объединения «Петровский парк» д. Яков Кудрин написал: «Хочу поделиться важным для меня открытием: на этой службе я как-то особенно почувствовал, что литургия – это общее дело (кстати, так и переводится слово «литургия»). И это при том, что бываю на литургиях

с детства, всю жизнь: сначала просто как прихожанин, потом как регент или певчий, а с 2017 года как диакон. Но впервые общее дело ощутилось с особой силой, даже не знаю почему... Все-таки литургия, Евхаристия – это главное, что есть в Церкви, и главное, что должно по идее объединять верующих! Но удобнее это делать, когда мы объединяемся «малыми группами» и можем продолжать общение и вне службы. Поэтому и проводятся сейчас молодежные литургии. Постараемся на нашем приходе ввести (или возродить) подобные богослужения».

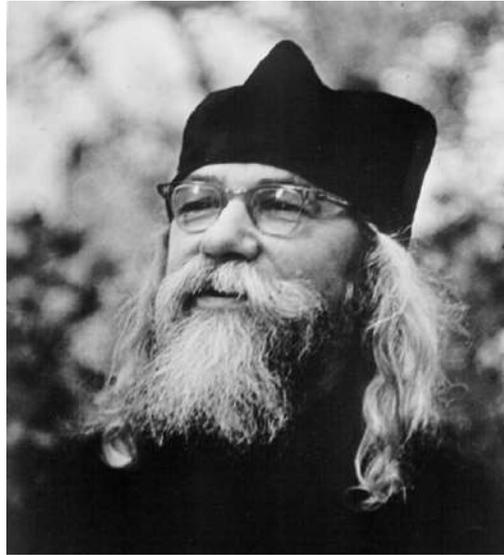
26 декабря в приходской иконописной школе прошел просмотр работ за 1-й семестр 2020/21 учебного года. Шесть икон были переданы в дар приходу. На просмотре присутствовал о. Феодор.

1 января. Престольный праздник храма мученика Вонифатия.

ИЗ «ЗАПИСОК ПИСЬМОВОДИТЕЛЯ СТАРЦА»

К 15-летию со дня кончины архимандрита Иоанна (Крестьянкина)

9 мая 1969 года, в воскресный день недели преполовения Пасхи Христовой, я впервые вошла в монастырские врата. Радость сновала по монастырю солнечным светом, весенними ароматами, пасхальным звоном устремлялась к небу. В Сретенском храме посередине стоял гроб и почему-то тоже участвовал во всеобщей радости. <...>

На следующий день служба была в Успенском храме, и ощущение, что ты в ином мире, еще глубже пронизывало все существо. Новое понятие пришло в сознание и определилось конкретным словом — «благоговение». Мерцание лампад у икон; изредка таинственно тихое явление монашеской фигуры; стройное, где-то вдали звучащее пение. После службы, слушая звон и наблюдая за всем происходящим, я увидела, как из храма буквально выкатилась толпа и направилась через площадь. Неожиданно шествие приостановилось и от него легкой, скользящей походкой по направлению ко мне пошел монах. Подойдя вплотную и глянув на меня добрыми глазами, он произнес: «А я ведь тоже Христова невеста!» Я не помню своих чувств в тот момент, но то, что ответила, врезалось в со-

знание: «Ну, вы-то Христова невеста, а мне-то какое дело!» Так произошла моя встреча с отцом Иоанном (Крестьянкиным).

Не обратив никакого внимания на грубость ответа, отец Иоанн задал несколько вопросов. Выяснив, что я художница и сегодня же уезжаю, пригласил меня подойти к нему вечером, в пять часов, к входу в братский корпус. Не знаю, пошла бы я тогда на эту встречу, если бы предвидела ее последствия? Ибо много и самых разнообразных переживаний внесла она в мою жизнь, и на первых порах больше тягостных.

Но знакомство наше состоялось. Беседа была недолгой — рядом с комнаткой, куда ввел меня отец Иоанн, его еще ждали и другие посетители. Узнав, что я заканчиваю художественный вуз, батюшка заявил, что в миру художников много, а Церкви они нужнее и мне хорошо бы стать реставратором. «Реставрация — это ведь оказание помощи пленным иконам», — произнес он. В отношении предстоящего распределения на работу он решительно сказал: «Будем проситься в реставрацию, а пожить надо бы дома, с родными». На все его предложения не последовало от меня

ни возражений, ни согласия. Осмыслить сказанное не было времени. Я была ошеломлена манерой общения отца Иоанна: батюшка разговаривал так, будто не он сам, но мы вместе, что-то обсуждая, принимаем решение. Помазав меня святым елеем, он достал из мешочка просфору и вручил ее мне со словами: «Смотри — точененькая, тут и ты, и все твои близкие уже есть». На том мы и распрощались.

Самые противоречивые впечатления и думы заняли мою душу на долгое время. Инсти-

1967 г.

тутская жизнь продолжалась своей чередой, но «Нечто», вторгшееся в нее извне, стало проявляться. На комиссии по распределению я робко заикнулась о желании работать в реставрации. И услышала от преподавателей: «Ты что, с ума сошла? Какой ты реставратор, ты по природе художник!» В отличие от отца Иоанна члены комиссии увлеклись желанием настоять на своем, и это решило дело в пользу батюшкиного благословения. Я ничего не могла сказать в защиту своего выбора, но мое природное упрямство сделало свое дело, и распределение в реставрацию было получено. <...>

Двенадцать лет я прожила в Ярославле дома, с родными. Теперь осмысливаю это время как жизнь за послушание. Испытания, которыми заранее пугали помыслы, пришлось пройти практически, и они не были легкими и были гораздо разнообразнее, чем предполагалось. Удивительно, в руководстве духовника я никогда не чувствовала стеснения для своей души. Но зато обстоятельства жизни бывали бесцеремонны, не считаясь с моим хотением, буквально проявляли насилие. Они требовали совершенно нового восприятия всего происходящего вокруг, терпения; но главное — бежать от них было невозможно, так они складывались. <...>

Душа затосковала по свободе, по чувствительным радостям творчества. Я любила живопись. Привыкание к работе реставратора шло тяжело, в слезах, в тягостном томлении духа и сердечной туге. Я оплакивала погибав-

щего в себе художника, свое согласие на реставрацию, я начала понимать предупреждения институтских педагогов. И виновником таких серьезных страданий стал отец Иоанн. Сколько раз воздвигались на отца Иоанна мысленные упреки, сколько было сделано попыток вернуться к радостям прошлой жизни!

Первый раз после знакомства с отцом Иоанном я поехала в Печоры только через год. Увидев меня в окружившей его толпе, он буквально воскликнул: «Танечка, как я рад, что ты приехала!» Никто в жизни ни до, ни после мне не радовался так, как радовался батюшка в тот мой приезд. Думается, что этот год был критическим, в сердце происходила жестокая борьба, на весах лежало будущее моей души, и я могла бы еще сама сделать выбор. А духовник отец Иоанн (Крестьянкин) вымалывал меня, но было неясно, не возобладает ли тяга к привычному прошлому. Год его трудов и молитвенной памяти дал наконец результат: человек не потерялся, а вернулся к источнику, из которого получил живое ощущение близости Божией к себе. Двенадцать лет я ежегодно проводила свой отпуск в монастыре, и, когда выдавалось несколько дней, свободных от работы, я опять ехала в Печоры. <...>

В эти приезды отец Иоанн как-то неприметно закладывал во мне фундамент христианского мышления о жизни, на котором должен был впоследствии созидаться дом души. Разговоры касались буквально всего: и молитвенного правила, которое должно было выполняться неукоснительно, даже и вопреки нежеланию; постоянного чтения одной главы Евангелия и двух глав Апостола. Начав заповеданное чтение, я скоро поняла, что я читаю слова, не проникая в суть Священного Писания, ползаю по поверхности, как назойливая муха. В сердцах надолго бросала чтение, а начиная опять, наталкивалась на непроницаемую завесу. И опять по приезду в Печоры вопль к отцу Иоанну. В ответ услышала притчу: «Два сосуда стоят рядом, но через один из них постоянно струится вода, а другой стоит себе и стоит. Как ты думаешь, который будет чистым? Так и с чтением Евангелия: даже внешнее обращение к нему будет делать свое дело, а придет время, и Господь вознаградит за постоянство в труде пониманием». Со временем я опытно узнала то, о чем говорил отец Иоанн. Частенько напоминал отец Иоанн и об отношении к работе как послушанию Богу; говорил даже и об умении обращаться с деньгами. <...>

Разговоров на конкретные темы моего бытия было немало, но не вдрут, не сразу мое

сердце откликалось на сказанное батюшкой. Кругом в жизни было столько словоблудия, и откровенной пустоты, и лжи, что зараженное недоверием сердце все подвергало сомнению. Но в один из приездов произошло нечто, что перевернуло мое восприятие и самого отца Иоанна, и того, что он говорил. Нас было двое, ожидающих встречи с батюшкой: маленькая старушка дореволюционного образца и я — вполне современный человек. Отец Иоанн, выпорхнув со второго этажа, весело поприветствовав нас обеих, повлек за собой в приемную, заявив, что секретов у нас не будет. Он усадил меня в уголке, а старушку рядом со словами: «Посидим-ко рядком да поговорим ладком». Я же углубилась в свои думы. Неожиданно в мое сознание извне вклинился фрагмент разговора собеседников. Речь шла о пирогах и о каком-то тесте. Мелькнул осудительный помысл: «Ну, и до пирогов у бедного отца Иоанна есть дело». Но, как оказалось впоследствии, разговор о пирогах и тесте касался меня непосредственно. Батюшка, отвечая старушке, с улыбкой рассказывал историю своего знакомства с тестом. «Пироги есть любил, но вот к тесту отношение имел лишь однажды» — и дальше пошло повествование. Первые месяцы по окончании войны. Всеобщий подъем и праздник в каждой душе, но и нищета еще не уступила место сытой жизни. Иван Крестьянкин, вернувшись домой, застал старушку, приютившую его в Москве, в слезах. Горе ее было по поводу купленного на последние гроши теста, которое оказалось негодным для дела. Отец Иоанн образно рассказывал, как он утешил человека в его горе. Ванечка, он в то время еще не был в сане, предложил старушке продать это тесто ему. Бабушка с недоверием глянула на покупателя, не шутит ли, не издевается ли над ее горем. Нормальный ли? А тот уже и деньги протягивал ей со словами: «Да-да, я покупаю это тесто». Сомнение и недоверие тут же исчезли. Уговоров о сделке не потребовалось. Ваня снес тесто в помойку, а Анастасия Васильевна напекла пирогов по случаю Великой Победы. Такое решение проблемы с тестом поразило меня, и я представила себя на месте батюшки, как поступила бы я в такой ситуации. Первое, что сказала бы: «Ну куда вы смотрели, покупая тесто?» А второе, чтобы смягчить первое, я прошла бы по недобросовестным и бессердечным продавцам. И вот тут возникла во мне спасительная для меня мысль, заставившая пораздуматься и о батюшке, и о себе: «Кто же прав в этой ситуации? Кто нормальный, а кто ненормальный? Если нормальная

я, то кто же отец Иоанн; а если нормальный он, то кто же я?»

С этого началось мое осмысленное наблюдение за тем, как отец Иоанн решал многие житейские и духовные проблемы. Я наблюдала, как он жил. А поверив его делам, исчезли во мне и осторожность, и недоверие его слову. <...> Так медленно, но верно зарождались мои отношения со старцем и духовником отцом Иоанном (Крестьянкиным). <...>

В один из критических моментов он прислал мне письмо — программу жизни, которое храню и по сей день: «Дорогая Татьяна! В жизни все будет просто и легко, если ты раз и навсегда решишь все делать для Бога и во славу Божию. Все станет сразу на свое место и в душе, и в восприятии жизни. Не рассчитывай устраивать свое благополучие по своему разумению, трудись пока ради Бога, где сейчас привел Господь, а придет время, будешь работать только в церкви или, еще лучше, в монастыре. Пользуйся моментом, набирайся опыта и знаний. Но помни, что везде много огорчений и разочарований, так как люди везде остаются людьми, со всеми своими «за» и «против». <...>

В 1970 году <...> неожиданно я получила подарок — книгу дореволюционного издания, 2-й том «Добротолюбия», от которого у меня заблестели глаза. С восторгом я приняла ее как руководство к действию. Но слава Богу, недолго пользовалась ее советами без присмотра. В очередной приезд в Печоры никаких других столь сильных впечатлений, как от появления этой книги, у меня не оказалось. Но я увидела неподдельную тревогу батюшки от разговора со мной. «Нет-нет, все, что тебе надо, я дам тебе сам. Читать будем непременно, но начнем не с «Добротолюбия», а с классиков русской литературы. И запомни, деточка, особый подвиг только с благословения духовника». <...> Отец Иоанн предложил мне убрать с полки Толстого, заменив его Достоевским, а к «Добротолюбию» до времени не прикасаться совсем. Тем и кончились мои самочинные подвиги.

Удивительно, что советы отца Иоанна очень скоро претворялись в жизнь. Полное собрание сочинений Толстого должно было уступить место произведениям Достоевского, которых у меня не было. Ходить по библиотекам времени не было, значит, их надлежало где-то приобрести. Узнав, что готовится издание полного академического собрания сочинений Ф.М. Достоевского, первое в советский период, я ринулась за подпиской. Но опоздала. Подписка на художественные про-

изведения уже окончилась, пришлось подписаться только на публицистику. Прошло очень немного времени, и меня пригласили получить книгу. Мне подали первый том полного собрания сочинений Ф.М. Достоевского. Горестно защемило сердце, но, увы, я должна была признаться, что эта книга не для меня, что я жду восемнадцатый том. На что мне сказали, что Федор Михайлович сам вознаградил мою решимость иметь полное собрание его сочинений. Так батюшкино благословение определило события в книжном магазине города Ярославля. <...>

Впоследствии батюшка всегда интересовался тем, что я читаю, и напоминал: «Выбор книг должен быть не беспорядочным, но соответствующим твоему образу жизни, иначе в голову придут мысли, не исполнимые делом, и ты станешь бесплодным мечтателем». Предостерегая, чтобы не проникло в душу ничего богопротивного, отец Иоанн рекомендовал мне как новоначальной читать книги только репринтные, дореволюционного издания, проверенные цензурой. «Ибо при нынешнем половодье авторов незаметно для себя можешь заразиться духом лестчим, — говорил он мне, — и одна неправая мысль, содержащая богохульство или тонкую лесть, может смертельно ранить душу, а ты этого и не поймешь. Хорошо как справочник и руководство иметь при себе письма святителя Феофана Затворника». <...>

Перебирая свои записи о поездках в Печоры с 1969 по 1981 год, я сделала открытие, что никогда у меня с батюшкой не было отвлеченных разговоров, но всегда обсуждались конкретные вопросы, которые предлагала мне жизнь в данный момент. И это было то, что ложилось в фундамент духовного образования. Я неоднократно слышала от отца Иоанна слова: «Сначала будем строить дом души, а потом уж только его освящать». Последовательно шли уроки жизни по духовной грамотности. В какой-то момент я начала понимать, что от меня требовалось не столько понимание происходящего, сколько терпеливое доверие. Бывало, переживая некое серьезное искушение, я приезжала в Печоры растерзанная, бунтующая против всех и вся, и тогда отец Иоанн приводил меня в чувство, объясняя: «Жизнь предложила тебе очередной экзамен, и ты его провалила. А сколько таких экзаменов, да еще и посерьезней, ждет нас впереди? С терпением давно были бы мы в Царстве Небесном, а без терпения в лучшем случае только на пути к нему. Надо учиться все в жизни делать с рассуждением. И запо-

ни, живые наши отношения с Богом зависят от нашего отношения к загробной жизни, от нашего отношения к смерти». Тогда же, провожая меня домой, отец Иоанн вручил отпечатанный на машинке канон на исход души и заповедал читать его каждую неделю. «Мы ведь как родились, так каждый день к смерти и устремляемся. Афонские монахи этот канон наизусть знали». Сраженная таким подарком, я недоуменно спросила: «А о ком читать-то?» «Не о мне же, о себе читай, — ответил он, но тут же поправился: — а впрочем, и меня поминай, а то мне сейчас бывает некогда». <...>

И еще одну тему затронул отец Иоанн, задав мне однажды вопрос: «А тебе что, фату или клобук будем готовить к венчанию?» Для меня этот вопрос оказался неожиданным, и я от ответа уклонилась. Через какое-то время лейтмотивом многих разговоров стал вопрос о православной семье и семейной жизни. Идеалистическое изображение образцовой православной семьи отцом Иоанном вызвало во мне раздражение, а позднее и бурный протест. Я не остановилась перед тем, чтобы сказать ему, что монах не может знать реалистичности семейных отношений, а потому лучше об этом не говорить. Отец Иоанн тотчас удовлетворенно подвел черту под разговорами о семье: «Я представил тебе варианты семьи по Евангелию, и, если право на существование такой семьи ты не признаешь, значит, создавать семью и не надо. Всякая другая будет ли тебе во спасение?» <...>

В 1974 году, через пять лет после знакомства, на праздник Успения Матери Божией батюшка вручил мне отпечатанное на машинке послушническое правило, сказав: «А теперь переведу тебя в следующий класс». Затем, юркнув под кровать, он выдвинул коробку, полную четок, и стал перебирать их, тихонько комментируя свое занятие: «Эти великоваты, эти цветные, а нам нужны черненькие, у этих бусинки большие, не по ее пальцам». Через несколько минут он поднялся, подошел к плащанице и, положив на нее четки, подозвал меня: «Возьми их у Нее». Так Матерь Божия Сама благословила выбор моей жизни в пользу клобука. <...>

Отец Иоанн не забывал наших бесед о монашестве и подкреплял их делом. Несколько раз он отправлял меня по делам в женские монастыри. Пюхтицы, Вильнюс, Рижская пустынь, Корец. Очарования женским монашеством не произошло. После одной из таких поездок я поделилась с батюшкой своим впечатлением и, видимо, огорчила его. Он счел необходимым исповедовать меня. «У тебя не-

верная жизненная установка. Монашество — это дело всей жизни. С самого начала и до конца монашествующий с Божией помощью познает себя и душу свою. И чаще это не весьма приятные для него открытия. А конечный результат — во власти Божией и оценка от Бога не наших достоинств, а нашего произволения к очищению души. Ты сама хоть один день поживи, наблюдая, что порождает твое сердце, может, тогда поймешь, какой подвиг предлежит монаху».

Отношение отца Иоанна к монашеству я наблюдала с самого начала моего пребывания рядом с ним. Это было не просто благоговение, но строгое и ответственное принятие монашеского устава, данное Самой Матерью Божией. Он частенько напоминал, что именно Она стала первой монахиней и образцом для всех встающих на этот путь. Ваня, сделавший заявку на монашество в двенадцать лет, бережно хранил полученное благословение до пятидесяти шести лет. Живя в миру, учился быть сущим не от мира сего и прошел сквозь все монашеские искушения еще до монастыря. И его постриг стал свидетельством уже состоявшегося в нем монаха. <...>

Очень конкретно проявилось отношение отца Иоанна к монашеству и тогда, когда ему предложили принять схиму. Он тут же ответил, что не против, но сразу после пострига закроет дверь своей кельи. Схимник должен умереть для суеты земной жизни. <...> Сам же отец Иоанн до последнего дня своей жизни оставался духовником и отцом своих многочисленных чад.

В 1977 году 27 января я неожиданно сорвалась на поездку в монастырь. Батюшка встретил меня вопросом: «А ты как здесь оказалась?» На что я ничего вразумительного ответить не смогла. А из дальнейшего разговора стало понятно, кто позвал меня в дорогу. За день до моего приезда в монастырь прибыли две святыни — десница святой мученицы Татианы и небольшая чудотворная икона Успения Божией Матери. <...> Времени для разговора не было, но батюшка счел необходимым указать мне место, откуда я буду наблюдать перенесение святынь. 30 января, в воскресенье, предполагалось их водворение в Михайловский собор. Был яркий зимний день с радующимся солнцем и хрустящим под ногами на легком морозце снежком. Переминаясь с ноги на ногу, я стояла у прямой лестницы вверху. Место самое подходящее для обозрения. Вскоре я увидела, как из дверей братского корпуса вышли монахи. В этот момент что-то отвлекло мое внимание. Когда же через мгно-

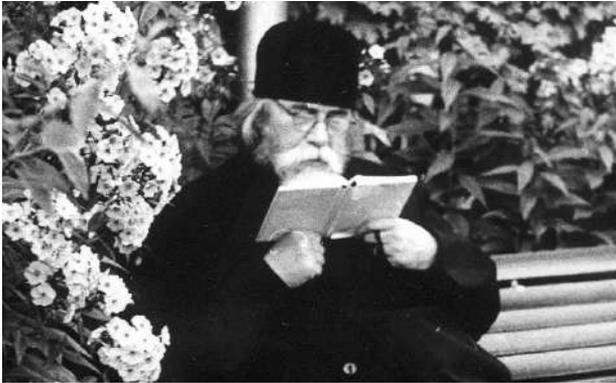
вение я сосредоточилась на шествии, взору моему открылось неожиданное. Перед отцами-монахами шли высокие статные девушки. На них были белые рясы и белые апостольники с развевающимися голубыми лентами. Но не их появление поразило меня — я знала, что икону Успения Божией Матери привезли с Кавказа монахини, — удивило их поведение. Они были столь оживлены, что в моем сознании сразу нашлось и слово, определяющее их

Успение Пресвятой Богородицы. 1995 г.

состояние, — это было ликование. Зато монахи, несшие святыни, по контрасту с ликующими девами как-то умалились, съезжились, казались сумрачными и унылыми. Мой дух смутился, и ревность за дорогих отцов дала место скрипучему осуждению монахинь. Я наблюдала за происходящим и видела шествие все время, пока оно проходило по двору и когда поднималось по прямой лестнице, ведущей к Михайловскому храму. И все это время осадок раздражения на монахинь скоблил сердце. Но каково же было мое удивление, когда шествие, на какой-то момент исчезнув из поля моего зрения, снова появилось, и в нем уже не было белых монахинь! Изумление сменилось потрясением. Не сразу пришло осознание, что мне дано было увидеть то, что происходило за завесой естественного, видимого мира. И если бы не свойственная моей натуре реакция на монахинь, я бы усомнилась, не поверила бы виденному. Мимо меня прошли знакомые отцы, благоговейно и чинно несшие святыни, но не было в них того радостного ликования, которое явили небесные девы, сопровождавшие шествие. И еще раз Божия благодать за молитвы отца Иоанна посетила этот мой день. За литургией, находясь в храме, душой была за завесой, отделяющей наш видимый мир от потустороннего. Я видела Небесную Евхаристию, видела и чувствовала то, что обычно сокрыто от земнородных. От потрясения я заливалась слезами, и остано-

вить их поток было не в моей власти. Теперь же всякий раз, когда совершается литургия, в сознании воскресает память о виденном. Ни разу после этого чудного вторжения невидимого мира в мою жизнь не повторялось ничего подобного. А то, что было дано, и поныне живет в сердце и чувствах неопровержимым доказательством реальности бытия невидимого грешниками мира. Вечером, благословляя меня в дорогу, батюшка был краток, только и сказал: «А ты сыта, с тебя довольно. Поезжай с Богом!» И я поняла, что он знает обо всем пережитом мной. <...>

Перedelкино. За чтением. 1980 г.

Впечатление от пережитого в январе было настолько сильно, что я жила думой снова оказаться в Печорах. В феврале такая возможность представилась, и в день Прощеного воскресенья я приехала, чтобы провести в монастыре первую неделю Великого поста. Неделя опять оказалась богата переживаниями: теплота живой церкви, общий вздох молитвы, тишина и умиротворение на душе, рассвет, медленно заползающий в церковь. Начиная с Чистого понедельника три дня после чтения покаянного канона Андрея Критского отец Иоанн проводил беседы, готовя богомольцев к исповеди, по его выражению, водил молящихся в «баньку». Позднее эти беседы были опубликованы в книге под названием «Опыт построения исповеди». Многие «неведомые чада» отца Иоанна с этой книги начинают теперь приобщаться к Таинству Исповеди. Люди не уходили, храм был переполнен. Только в пятницу исповедь молящихся завершалась получением разрешительной молитвы, а в субботу все причащались. Батюшка в субботу служил раннюю литургию, и я записала фрагмент его проповеди за этой службой. «Други наши, день ныне исключительный, радуется Церковь земная и небесная, все ее чада, пройдя сквозь покаянную неделю, одновременно причащаются. После длительной жажды очищения и томления покаянных трудов душа,

подобная иссохшей, потрескавшейся земле, принимает целительный Божественный дождичек святости. Дорогие мои, кто мы, к Кому подходим, что принимаем? Какой Дар получаем от Господа? Что подобно сему в мире? Никакие богатства не могут сравниться с даром Божиим. Он Сам соединился с нами, вошел в нас, чтобы мы живы были Его духом, Его силой». <...>

Отец Иоанн был рядом во все время моего младенчества. Когда я однажды в смятении принесла на его суд свои переживания и страхи о том, что уже одна, без него, барахтаюсь в житейском море и готова к потоплению, он успокоил меня словами: «Ну, как же ты не чувствуешь, что я всегда с тобой, да и ты от меня не отходишь ни на шаг, где бы ты ни находилась — в Ярославле ли, или здесь, в Печорах, или еще где-то? Я всегда с тобой». А позднее я не раз слышала слова отца Иоанна: «Кто вошел в мою орбиту, тот уже мой навсегда». <...>

В 1981 году я опять провела в Печорах первую седмицу Великого поста и снова вернулась в монастырь на Вербное воскресенье. До 22 мая у меня был отпуск. Время, насыщенное службами, пролетело быстро. Незадолго до моего отъезда отец Иоанн неожиданно спросил: «Ты хочешь жить в Печорах?» Я ответила вопросом на вопрос: «А зачем?» Батюшка отступил, но через несколько дней повторил свой вопрос. На что я, ранее обдумав его предложение, сказала: «Батюшка, да я же живу в Ярославле как кум королю и сват министру. К работе привыкла, к клиросу прижилась, в архиерейском доме при деле, практически каждый день в церкви и даже читаю каноны». На мою тираду неожиданно прозвучали слова: «Ты там слишком хорошо живешь, вот тебе и понадобились Печоры». Еще несколько раз повторял отец Иоанн свой вопрос, пока наконец я нерешительно заговорила: «Ну, я, может, и хотела бы жить в Печорах, но не вижу к этому никаких возможностей». Слово «хотела» было произнесено, и что-то сразу стало меняться в жизни. Едва отец Иоанн получил мой ответ, как и отец наместник неожиданно сделал мне предложение стать реставратором в монастыре: «Хватит тебе болтаться между Ярославлем и Печорами, между миром и монастырем. Не пора ли сделать выбор?» <...>

Так начинался новый, неведомый по сути этап жизни. Ранее я входила в церковь как в рай: живя наездами в Печорах, я проводила время на Пачковке или на кладбище с книгами, мало общаясь с печорскими старожилами, представляла их и тем более монахов

небожителями. Искушения от тех и других очень скоро опустили меня на землю, ибо посыпались на меня градом. Слова отца Иоанна, написанные двенадцать лет назад в первом программном письме: «Помни, что везде много огорчений, разочарований, так как люди везде остаются людьми со всеми своими «за» и «против», — наполнились для меня реальным смыслом. <...> Обстановка вокруг меня скоро изменилась. Все, кто был «за», стали «против». Самым первым неожиданно перешел в стан противников отец наместник. Это было выражено словами: «Знай, если я увижу тебя у Ивана, я выкину тебя из монастыря не через ворота, в которые ты вошла, а через монастырскую ограду». Так была определена линия моего поведения в монастыре. А отец Иоанн одной фразой обозначил ситуацию: «Так-так, полюблю — шубу сошью, не полюблю — шкуру спущу. Деточка, шубу-то из твоей шкуры попытаются шить, но нам твоя шкура нужна, и мне, и тебе, давай ее беречь». <...> Надо было учиться жить осмотрительно, ежедневно молитвой предавая себя воле Божией. Я не прожила бы в монастыре и месяца, если бы не молитвы отца Иоанна. Ни молиться, ни осторожничать я еще не умела. <...>

В тисках обстоятельств я попыталась следовать советам отца Иоанна, но не заметила, как пришел в душу тать. Прищурились глаза в поисках темных пятен на этом «солнце». Вдруг исчезло безоговорочное ясное доверие: «Не может человек так любить всех, любовь отца Иоанна — видимость и обычное теперешнее лицемерие и лицедейство». Стоя в стороне, я наблюдала за его общением с людьми. Самому же не могла ничего сказать, боясь обидеть, еще помня светлые чувства от его создающей любви, которым теперь не доверяла. Батюшка все видел, но не вдруг протянул мне руку помощи. Дал душе свободу переболеть неверием и сомнением, чтобы не извне пришло доверие, на котором утвердится вера и понимание, что только любовь приносит в душу вожделенный Божий мир. Он терпеливо ждал и был все тем же, понимающим и сочувствующим. Эта мука, болезнь души, длилась с месяц. Неприметным образом мрак рассеялся. На мой вопрос: «Что это было?» — отец Иоанн ответил, что это один из уроков, посредством которых ветхий человек со временем обретет непререкаемую основу в духе Божественной любви, которая создает истинную жизнь. Мучаясь угрызением совести за все происшедшее, я спросила отца Иоанна, неужели он не обижается на меня. На что услышала: «Детка, у меня на любовь време-

ни не хватает, а ты мне про обиды говоришь». И тотчас как бы мимоходом батюшка преподнес мне урок об умении относиться к нанесенным обидам: «Но уж если не умеешь пока не обижаться, то для начала претерпи безмолвно обиду, учись, по крайней мере, относиться к ней как к небывшему. Умудряйся не носить этот мрак в сердце. И чем скорее ты этому научишься, тем яснее, чище станет на душе. Господа-то обижаем грехами постоянно, а Он при этом на нас не только не обижается и не только терпит, но любовью покрывает наше неразумие и нашу немощь».

Часто слышала я вопрос о любви, задаваемый батюшке и братьями: «Как вы можете любить нас таких?» — «Как же вас не любить, мне вас жаль», — звучало в ответ. И он действительно любил, любил до боли сердечной, поливая слезами головы братьев, отступающих от своих обетов. Испытывая набеги чувств, противоположных любви, не владея собой, и я искала его помощи. «Научите меня любить», — просила я. «А ты пожалей! Пожалей нелюбимого! Сегодня пожалеешь, и завтра покроешь его немощь и беду молитвой о нем, и не заметишь, как придет любовь», — кратко, но внятно отвечал отец Иоанн. Наше понятие о любви уменьшалось только на кончике языка, растворяясь в обыденной жизни и при набегах тяжких обстоятельств. А отец Иоанн являл примеры своей любви неизменно, и даже то, что законно вызывало осуждение, он часто покрывал любовью: «А ты пожалей!» И сам он жалел оступившегося, давая окружающим урок, как следует поступать не по букве, а по духу: «Почеловечески-то так, а по-Божьи — не осуди, пожалей». Законно соблазнившись чьим-то поступком, я искала в батюшке союзника своему возмущению, но почти всегда он брал на себя грех соблазнителя и я слышала от него: «Я тебя соблазнил, а ты меня осудила, милости просим на одну скамью подсудимых. И статья-то и мне, и тебе одна». Так многие годы преподавались практические уроки духовного отношения к жизни, к людям.

Но и позднее еще много раз являлся в душе бунтарский дух: «Зачем мне понадобились эти Печоры?» Это «зачем» болезненной занозой саднило сердце, доводя до ропота: «Батюшка, произошла какая-то ошибка. Я десять лет училась, а теперь занимаюсь невесть чем: то бегаю с кастрюлями по коридору, то выслушиваю нарекания и выговоры за то, в чем не я виновата». Ответ невозмутим: «Детка, у Бога ошибок не бывает. Когда ты предстанешь пред Ним, Он не спросит тебя, где и сколько ты училась, но как жила». <...>

По переселении в Печоры я официально стала реставратором Псково-Печерского монастыря и одновременно тайной письмоводительницей у отца Иоанна. Явное и тайное совмещать было сложно. Приходилось постоянно приспосабливаться к обстоятельствам момента. Думалось, куда бы проще забежать к отцу Иоанну, законспектировать его ответы и сидеть в своей мастерской переписывать. Но не тут-то было. Предстояло не забежать, но пробраться, да еще угадать момент, когда у него нет посетителя, когда он не занят чем-то более важным. На мне буквально исполнялись слова: «Бог на деле ума прибавляет» и «Если Бог за нас, то кто против нас». Тогда только Один Бог и был за нас, остальных мне приходилось остерегаться. Сколько раз нашей подпольной канцелярии реально угрожала опасность и становилось явным, что Господь Сам дал и Сам же хранил послушание отца Иоанна как духовника, а меня — как соучастницу в его деле. <...>

Первой келейницей отца Иоанна была инокия разоренного Браиловского монастыря Мария по фамилии Владыка. Частенько батюшка пошучивал: «Что вы ко мне обращаетесь, я только архимандрит, вы вот у Владыки спросите». При закрытии монастыря матушке пришлось пережить много тревожений, оставивших в ней неизгладимый след. Она по благословению игумении с риском быть схваченной по ночам проникала через форточку в церковь, чтобы спасти от пленения и поругания особенно дорогие монастырские святыни. С тех пор она стала робка и боязлива. А келья отца Иоанна в это время была местом небезопасным. Доброхоты трудились и привозили подпольно изданные книги, которые не обходили келью. Правда, и известия о возможных обысках и проверках тоже не очень-то строго хранились. Да еще необходимость тайно впускать в келью меня с письмами. И бывали случаи, которые для Марии могли кончиться инфарктом, а для меня изгнанием.

Так, однажды после литургии батюшка шепнул мне, чтобы я дожидалась его в келье. Сам он задержался и пришел совсем измученный. Рухнул на свой диванчик и тут же заснул. Совсем скоро колокол известил о приглашении к обеду. Совещаясь о том, будить ли батюшку, мы услышали за дверью характерный знакомый звук посоха, отсчитывающий тяжелые шаги, затем требовательный стук в дверь. Сомнений не было: это сам отец наместник пожаловал. Куда скрыться мне? В ужасе я прижалась к кафельной печи в ожидании трагической для всех нас развязки. Только единственный

шаг за порог надлежало сделать наместнику, чтобы я оказалась на виду. Мария отбросила крючок и застыла в дверях. Грозный возглас потряс тишину: «Что отец Иоанн, где он?» И в этот момент отец Иоанн, доселе тихо сапывающий, тяжело вздохнул и издал тоненький свист-храп, сам ответив на вопрос отца наместника. Мария вышла из оцепенения и дрожащим голосом пролепетала: «С-с-с-пит». И неожиданно начальственный голос произнес благостные слова понимания и сочувствия: «Не буди его, пусть поспит». Закрыв дверь, Мария бросилась к аптечке, и мы, снимая напряжение, пополам выпили пузырек валерьянки. А батюшка, ничего не подозревая, продолжал мирно почитать.

А случались и курьезные происшествия. Однажды наша работа с письмами была прервана неробким стуком в дверь. Стало ясно, что мне необходимо спрятаться. Но куда? За шкафом перед вешалкой, где висели пальто и стоял таз, было маленькое пространство, куда я и протиснулась. Отец Иоанн сам отворил дверь, в келью вошли благочинный и Мария. Между ними начался какой-то деловой разговор. В этот момент я почувствовала, что таз, в котором стояла, предательски поехал вместе со мной из своего угла. Через мгновение я окажусь на виду. Мария же, оглянувшись на скрежет, увидела выезжающий из-под вешалки таз. Она бросилась приостановить его движение, но не тут-то было. Таз сопротивлялся. Только тогда она увидела и поняла причину его своеволия. Собой она прикрыла могущее возникнуть искушение и сторожила таз, пока не ушел посетитель. Так выживали мы в те строгие времена, до 1988 года. Через такие трудности и препятствия проходило данное батюшке Богом послушание. А отец Иоанн при каждом критическом моменте, когда над ним гремели грозы начальственного гнева, не смущался и только повторял для себя, а больше для меня слова апостолов: «Судите, справедливо ли пред Богом слушать человека более, нежели Бога. Видно, так надо». <...>

Исключительная покорность Промыслу Божию самого отца Иоанна, терпеливое несение непонятных превратностей жизни настолько обогатили его духовно, что дали возможность распутывать гордые узлы современной жизни для влающих в волнах житейского моря и обуреваемых непониманием и неведением. Не раз я слышала печаль в голосе батюшки, когда, помяная новомучеников и исповедников российских, с кем соприкоснулся за свою долгую жизнь, он говорил: «Не дал мне Господь мученического венца!»

Венца не дал, но одарил бесценным опытом и долгой днью, чтобы помогать искушаемым нашим безвременьем. А опыт-то какой! Отец Иоанн застал ясную и покойную Россию своего раннего детства, видел и прошел сквозь трагическую революционную и военную, душой же приник к России глубоких времен Святой Руси, но всматривался в нее уже через страдания XX века. Верность же Богу пронес сквозь горнило всех испытаний и воспринимал их не иначе как школу жизни. Для приходящих же к нему всегда оставался скромным учителем в этой школе.

А в каждом письме к отцу Иоанну приходил живой человек, и разговор с ним не мог не состояться. Обращения его к корреспонденту: то умилительно ласковое и трогательное «Детка, детка, Сашенька», то с оттенком укоризны: «Ах, Максим, Максим», а то и предостерегающе грозное: «Раба, не могу назвать тебя Божия, ибо ты уже вполне раба вражья». Диапазон чувств отца Иоанна в письмах беспределен. Это было живое общение, непосредственный разговор с человеком, сидящим рядом на диванчике. В 1981 году, когда я только начинала это послушание, писем было еще не так много. Они попадали в руки отца Иоанна, минуя почту. Вопрос «Когда уезжаете?», который отец Иоанн всегда задавал вновь прибывшим, был насущным. Надо было успеть сориентироваться во времени, чтобы ответить на все привезенные письма, а этих заочных паломников тоже было немало. Но с 1988 года, когда отношение государства к Церкви изменилось, еще и печорская городская почта тоже стала работать на отца Иоанна. Поток корреспонденции увеличился настолько, что письмоводителю необходимо было выделять время. С приходом в монастырь нового наместника запрет появляться мне у отца Иоанна был забыт. В новых условиях батюшка тут же перестроил нашу работу с письмами. Мне надлежало сортировать полученную по почте корреспонденцию по темам: «скорая помощь», «духовные запросы», «благодарственные». Имелся даже особый раздел, называемый «капризы». К письмам от местных жителей я не прикасалась, это было предусмотрено заботой батюшки обо мне, о моем духовном состоянии. На письма из раздела «скорая помощь» он отвечал безотлагательно. Черновики ответов батюшки уходили для переписки в чьи-то руки и исчезали. Думать о сохранении их не приходило в голову. Казалось, что все шло благополучно, но вот однажды случилось непредвиденное. Отец Иоанн получил

письмо такого содержания: «Батюшка, дорогой, мы получили Ваше замечательное письмо, благодарим. Но только ответ в нем не на наш вопрос». Это была моя оплошность, но промыслительная, которая стала судьбоносной для эпистолярного наследия отца Иоанна. Чтобы избежать подобной ошибки впредь, я стала записывать ответ батюшки на конверте от данного письма, и по отправке писем черновики стали возвращаться ко мне. Так Сам Промысл Божий озаботился тем, чтобы свидетельство об одном из видов батюшкиного

Благословение паломников. 1999 г.

духовничества и общения с людьми не пропало. Ведь именно в письмах были запечатлены ответы отца Иоанна на животрепещущие насущные вопросы бытия в нашем времени.

Не менее удивителен факт, как тот же Промысл Божий сохранил для нас и плоды проповеднического дара отца Иоанна. В келье соседа-монаха стоял шкаф, где в идеальном порядке, разобранные по темам, хранились на полках тетради — проповеди батюшки. Написанные разными почерками, без дат, они сохранились еще с тех времен, когда отец Иоанн скитался по Рязанской земле с прихода на приход. Как при его кочевом образе жизни они появились и еще удивительнее как не пропали, не потерялись на ухабистых дорогах? На вопрос, заданный отцу Иоанну, зачем он стал их записывать, вполне владея словом, батюшка рассказал, казалось бы, курьезную историю. На одном из приходов к нему в церковь прислали мужичка, представителя от начальства, с требованием, чтобы все «выступления» его в церкви готовились заранее и ложились на стол председателя сельсовета в письменном виде еще до того, как он будет их произносить. Все это было сказано таким тоном, что он понял: вопрос обсуждению не подлежит. Так началось собрание проповедей. Кто читал их в сельсовете, да и читал

ли, неведомо. Но и в монастыре ими начали пользоваться те, кто не успевал подготовить свою проповедь. А с 1990 года их читают многие в книгах, изданных и переизданных уже не один раз. <...>

К девяностому году, освобожденная от всех своих личин, незнакомым себе человеком, я входила в неведомую мне доселе роль келейницы старца. Очень быстро стало понят-

С братским духовником архимандритом Таврионом (Баловым)

но, что для моей личной жизни там места нет; что там, как и в реставрации, чем меньше проявляешься ты, тем лучше для дела. Ответственность пред Богом, пред батюшкой, перед людьми тяжким грузом придавила сознание. Я ощутила страшное одиночество и смятение. На мое состояние отец Иоанн отреагировал открыткой: «Дорогая девица Татяна! Может быть, ты не знаешь, где и как должен проходить твой жизненный путь? Тебе это знать и не нужно. Делай твой следующий шаг. После этого Господь Бог укажет тебе и последующий. Так, шаг за шагом, следуя по указанному пути, ты установишь, что Господь Бог, руководствуясь мудрым планом, ведет тебя по такому пути, который заканчивается у светлой цели. «Радуйся, Благая Вратарнице, двери райския верным отверзающая». Архимандрит Иоанн». Благую Вратарницу призвал батюшка, открывая мне дверь в новое служение. От меня же требовалась только верность. В этот переходный период отец Иоанн частенько напоминал: «Мы с тобой учимся ходить по водам».

Находясь рядом с отцом Иоанном и бывая посредником между ним и людьми, я стала остро чувствовать немилость многих из этих людей. Чтобы избежать враждебно смотрящих на меня глаз, я предпринимала разные уловки: «Батюшка, ну я заведу ее в коридорчик, скажите сами, ведь не поверит человек, что это ваш ответ». — «А это не твое дело, поверит или не поверит», — одной фразой осаживал строптивую помощницу отец Иоанн.

Наговорит он иногда много, в моей голове ералаш — и опять вопль: «Да я всего сказанного и до двери не донесу, половину забуду, а остальное перепутаю!» И опять невозможное: «А ты кто такая? Ты служебный дух, скажешь ровно столько, сколько слышала от меня, и скажешь так, как я сказал». Пример отношения к делу «служебного духа» частенько напоминался мне. Иногда его ответ был заведомо неприятный для вопрошающего, и я вопила: «Да меня побьют камнями за этот ответ ваш». И опять: «Ну, побить не побьют, но тебе ведь тоже спастись надо, потерпишь. Терпение — важное приобретение». Бессчетное количество раз выслушивал отец Иоанн мои возражения — вопли растерявшегося перед жизнью человека. Усмиряя разъедающие мою душу помыслы о собственной несостоятельности, периодически напоминал: «Подумай, а кто ты-то такая, ты — служебный дух, а ответственность за все несусь я». Так в этом делании я должна была потерять и собственное имя. Поглощенная делами, постепенно я все же входила в стиль жизни келейницы отца Иоанна. Думать о том, как к тебе относятся люди, стало некогда. <...>

В 1990 году в день Поместного Собора Русской Православной Церкви и выбора нового патриарха с раннего утра отец Иоанн как бы стал соучастником этого знаменательного события. Он медленно облачился в белый подрясник и полумантию оптинского старца Амвросия. Надев епитрахиль и поручи, молитвенно присоединился к высокому собранию. Весь вид его свидетельствовал об исключительности момента. Меня отец Иоанн заранее благословил дежурить у входной двери, чтобы ничто не нарушало его молитвенного уединения. Только после трех часов батюшка позвал меня в келью и, усадив рядом с собой, стал рассказывать о посещении его патриархом Тихоном. Уйдя в переживание происходящего в Троице-Сергиевой Лавре, в какой-то момент отец Иоанн почувствовал, что находится в келье не один. Он поднял голову и обомлел, увидев в молитвенном углу патриарха Тихона. На кровати же отца Иоанна стоял и упирался в потолок служебный патриарший посох. Напряженный взгляд патриарха был устремлен на отца Иоанна, мысли его без слов, непосредственно передавались батюшке. Патриарх требовал, чтобы отец Иоанн поднял посох. Батюшка встал с намерением выполнить благословение. Но не тут-то было. Посох оказался неподъемным. Отец Иоанн обернулся на патриарха. В душе же его внят-

но повторилось все то же требование. Тогда отец Иоанн стал осматривать посох и обнаружил, что его можно развинтить. Он, вновь посмотрев на Святейшего, убедился, что правильно понял его благословение. Занявшись развинчиванием посоха, а это тоже оказалось делом нелегким, он весь ушел в работу. Когда поручение было исполнено, отец Иоанн обернулся на патриарха, но того в келье уже не оказалось. Так ознаменовалось для батюшки избрание пятнадцатого Первосвященителя Русской Православной Церкви Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Такой неподъемный патриарший посох предлежало тому поднять и пронести до врат в вечность. Дерзновенная живая молитва отца Иоанна постоянно сопутствовала патриарху Алексию II, ибо к тяжести патриаршего посоха ему дано было прикоснуться реально. <...>

К нему часто приходили люди с устрашающими прогнозами и разговорами об антихристе, о конце света. После непродолжительной беседы на эту тему батюшка спрашивал собеседника: «Но почему вы ждете антихриста, а не ждете Христа? Антихрист придет только на три с половиной года, а Христос на вечность. И надрывно думая и много говоря о будущих грядущих на Вселенную страхах, стали ли вы жить соответственно этим думам и заботиться о спасении души своей? А ведь это только к тому и призывает нас, чтобы уже сейчас, на земле, идти за Христом, а не за антихристом». Он задавал человеку несколько вопросов, касающихся его отношения к жизни, и ответы свидетельствовали о правде слов отца Иоанна. <...>

Своим примером он безмолвно звал всех увидеть и почувствовать и в своей жизни присутствие Живого Бога. <...> Помню такой разговор со мной: «Ну, ты все Промысл Божий пытаешься подправить и лучше Бога знаешь, что для тебя надо. А смотри, как от самого рождения Промысл Божий строил мою жизнь. Он пожаловал мне духовным покровителем Иоанна Пустынника. В день его памяти я на свет появился. В этот же день празднуется память псково-печерских святых Марка и Ионы. Только духовно повзрослев, я осознал, что и они не случайно присутствовали при моем рождении: уже тогда у моей младенческой колыбели Промыслом Божиим намечался мой путь под покров псково-печерских святых. Молитвы святых Марка и Ионы не дали мне остаться в Троице-Сергиевой Лавре, когда при ее открытии после войны наместник отец Гурий (Егоров) хотел

постричь меня в монахи. Я неожиданно был отозван из Лавры и возвращен на свой прежний приход. За несколько дней до пострига я прикоснулся к таинству смерти: очевидно, обмирало что-то отжитое, чтобы начался новый этап жизни — монашеский. Святой старец Серафим (Романцов) в день памяти святого Сампсона совершил надо мной постриг, сказав: «Ну, я тебя постригу, хоть умрешь монахом». Наследие Сампсона Странноприимца мне досталось при постриге. Божиим определением я выжил, но на всю жизнь должен был стать странноприимцем. И имя Иоанна Богослова не я выбирал, но старец нарек меня им. И не было ли за время моей жизни с двенадцати лет до пятидесяти шести обстоятельств, которые провоцировали бы свернуть с назначенного для меня Богом пути? Надо твердо верить Богу и доверять Его Промыслу».

К тому времени, когда я оказалась рядом с отцом Иоанном, уже никакие внешние условия и тяготы жизненных обстоятельств, казалось, не бросали своей мрачной тени на его жизнь. Религиозные переживания небесным светом освещали для него земной путь. Больше всего он любил Церковь, службы и молитву. Всеобъемлющий дух молитвы сопровождал отца Иоанна постоянно, присутствовал в нем и в его келье. Однажды я обратилась к батюшке с просьбой: «Научите меня молиться». На что последовало: «А ты разве видишь, что я молюсь?» Я упорствовала: «Тогда скажите, что мне сделать, чтобы Господь слышал меня так, как слышит вас». Теперь сама удивляюсь своему недомыслию и дерзости, а батюшка по моему младенческому состоянию все понимал и прощал. В ответ прозвучало: «Деточка, таким надо родиться». <...>

Память сердца отца Иоанна хранила имена и обстоятельства жизней стольких людей, для меня она была непостижима и казалась безмерной. Иногда он преподавал и мне практические уроки отношения к приходящим. Тронутый чьей-то запредельной бедой, он предлагал мне подключиться к его молитве за бедствующего. Моей памяти хватало не больше чем на две недели, и, когда батюшка через месяц напоминал мне о скорбящем, я обескураженно сознавалась, что давно забыла о заповеди молиться о нем. «Голова — ненадежный хранитель, позднейшая информация и впечатления стирают из памяти ума и то, что необходимо бы помнить; а память сердца надежна, учись расширять свое сердце», — говорил отец Иоанн в таких случаях. <...>

До сих пор удивляюсь наполненности жизни батюшки, его терпеливому упорству. С пя-

ти утра и до двух часов ночи этот несильный телесно человек был на ногах в кипении водоворота жизни страждущих и скорбящих людей. С самого начала служения отца Иоанна у престола душа народная почувствовала в нем своего предстателя пред Богом, почувствовала, что к нему можно обратиться в горе, беде, болезни, и познала, что он помогает. <...>

Не забыть мне и как на опушке леса в эстонском поселке ждали встречи с девяностолетним старцем отцом Иоанном мужики, потерявшие в жизни ориентиры, пьяницы и изгои общества. Они поджидали выхода батюшки на вечерние прогулки по лесу. Когда он появлялся, один из них отделялся от этой жалкой компании и устремлялся навстречу. Батюшка движением руки отправлял нас вперед. Отойдя на почтительное расстояние, оглядываясь, мы видели трогательную сцену. Отец Иоанн, склонившись, целовал голову стоящего перед ним на коленях бедолаги, и между ними начиналась неслышная никому длительная беседа. <...>

В 1989 году впервые встретился с отцом Иоанном насельник Оптиной пустыни иеромонах Мелхиседек (Артюхин), ныне архимандрит. Впоследствии он не раз навещал батюшку, чтобы задать ему конкретные вопросы о духовной жизни. <...> «Как соотносить жизнь мирскую и жизнь духовную, какова должна быть мера той и другой и их взаимосвязь?» Отец Иоанн ответил образно, притчей. Он сказал: «В Орел до революции на ярмарку приезжал цирк и в нем — аттракцион, который назывался «Живой Петр Первый за 20 копеек». Была устроена палатка и в нее встроена огромная подозрительная труба. Желавших увидеть живого императора было немало. Счастливцев, купивший билет, допускался до трубы, но видел лишь туман и что-то неопределенное. А обслуживающий аттракцион говорил: «Ну, настраивайте!» Человек настраивал. «Сильнее настраивайте!» И еще спрашивал у него: «Ну что, видишь?» — «Нет, ничего не вижу...» И тогда наконец ему говорили: «Ну надо же, чего захотел! Живого Петра Первого увидеть за двадцать копеек!» И на этом заканчивался аттракцион». Батюшка дальше растолковал, что иносказательно этот пример означает: «И мы в жизни нашей порой за двадцать рублей или за двадцать копеек, за одно наше желание, хотим увидеть живого Христа. Нет! Это невозможно. Надо подвизаться! Надо трудиться, надо жить напряженной духовной жизнью. Человек что посеет, то и пожнет. Сеющий скудно, скудно и пожнет. Сеющий щедро, щедро и получит». <...>

В какой-то момент насущным для отца Мелхиседека стал вопрос о мере необходимости знания и понимания обстановки, в которой живут в стране россияне. <...> «Можно ли и нужно ли мне интересоваться новостями через средства массовой информации, чтобы можно было разговаривать с приходящими на их языке, понимая политическую и экономическую обстановку в стране?» Ответ опять же был образный: «У нас в Церкви был именитый митрополит, который занимался общественной деятельностью, представляя в мире инославном нашу Православную Церковь за рубежом на разных конференциях, симпозиумах и общественных встречах. Однажды он был на какой-то конференции, посвященной борьбе за справедливость, борьбе за мир во всем мире. Конференция прошла, и после нее был дан званый обед, где подавали постепенно двадцать семь видов блюд. До конца этот экзамен выдержал только наш митрополит. А почему? Потому что люди не предполагали такого изобилия и налегали на первые блюда, которые подавались, а на дальнейшие у них не хватило ни сил, ни места в животе. Наш же митрополит вкушал понемножку и дошел до последнего блюда». Так отец Иоанн через притчу показал, что не надо с подробностями вникать в обстановку, но разбираться в происходящем в жизни и священнослужителю, и человеку, поставленному во главе прихода, или обители, или церковной организации, должностному лицу, конечно же, необходимо. Надо знать обстановку, в которой живем. <...>

Еще и такой вопрос был задан отцу Иоанну: «Батюшка, скажите, как сочетать свое хлопотное послушание с духовным деланием? Без конца с утра до вечера попечения о стройках, о восстановлении монастыря. В течение всего дня суета и суета сует». <...> И на это отец Иоанн ответил следующее: «Наша жизнь должна быть похожа на торт «Наполеон». Тесто — крем, тесто — крем, а сверху пудра. Если наш торт будет состоять из одного только теста, то будет невкусно; если он будет состоять только из одного крема, то он будет слишком приторный. А если тесто будет слоями перемежаться с кремом, тесто — крем, тесто — крем, тесто — крем, а сверху пудра, тогда такой пирог удовлетворит и вкус, и чувства. Тесто — это наши труды, наши мирские попечения; если вся наша жизнь будет состоять только из них, то такая жизнь будет скудной, несладкой. Если же у нас будет только одна молитва с утра до ночи, то есть один крем, что фактически в нашей жизни невозможно, то это тоже будет

неправильно, да и опасно для здоровья. У нас должно быть все гармонично и размеренно. Наши труды должны переплетаться с молитвами, причем не обязательно продолжительными, а совсем краткими: «Господи, благослови!», «Господи, помоги!», «Господи, благодарю!», «Отче наш», молитва Иисусова. Труды, перемежаясь или переплетаясь с молитвами, будут тем сладким пирогом и для Христа, и для нас». — «А что же такое пудра?» — «А пудра — это смирение, потому что если труды и молитвы будут без смирения, тогда, как говорили оптинские старцы: «Есть смирение — все есть, а нет смирения — ничего нет». <...>

Батюшке часто задавали вопрос на животрепещущую для монахов тему об Иисусовой сердечно-умственной молитве. Отец Иоанн как опытно прошедший эту школу, где сама жизнь уже ответила ему на этот вопрос, зримо преображался. Вот один из таких разговоров: «Для такой молитвы, дорогие мои, необходимы три важные условия: нужно стяжать тишину в голове, тишину в сердце и тишину вокруг себя. Если хоть одно из этих условий нарушается, то умно-сердечная молитва невозможна. Тишина в голове — это совершенное отсутствие помыслов; мир и покой в сердце, который приходит только с очищением его от страстей; и полное, полное безмолвие вокруг нас». Весь этот разговор отец Иоанн сопровождал жестами, одной рукой он коснулся своего лба, обеими руками сердца и, широко разведя руки, обвел окружающее пространство. «Ничего этого у нас нет, а значит, нам, други мои, доступна пока только словесная молитва, вот о ней и не забывайте. Молитесь как можете, как умеете, главное же — чтобы молитва исходила из сердца и была искренняя. И для умно-сердечной молитвы, деточки, надо еще на кресте повисеть, да не день и не месяц, но сколько Бог даст. Старец Серафим (Романцов) был распят всю жизнь. Он получил умно-сердечную молитву в шестнадцать лет, вкусил сладость духовной жизни, проникся ею, потеряв вкус ко всему земному. Это был Божий дар, предваряющий многотрудный жизненный путь. Но дар отошел. И от юности до глубокой старости жил отец Серафим памятью о прочувствованном. А вернулась умно-сердечная молитва к нему за не-

делю до смерти, как награда за верность Богу в страданиях всей прожитой жизни. Страдания же были немалые: заключение в концлагере, двенадцать лет пустынножительства на Кавказе. Молитва сердечная явилась в такой силе и полноте, что старец, испытав в ней касание иного мира, сказал, что жить на земле больше не может. Мы же пока и малейшей обиды потерпеть не можем, так что до умно-сердечной молитвы нам еще очень и очень далеко».

С братией и келейницей Татьяной Сергеевной в монастырском саду

Многие насельники замечали, что отцу Иоанну не надо было много говорить, достаточно было посидеть с ним рядом. Не на уровне рассудка проходило общение с батюшкой — душа открывалась, и казалось, что в тебя входило что-то важное, чего ты сам не понимал, но что со временем открывалось как важный ориентир в жизни. И это было следствием бытия батюшки в ином измерении. Он видимо прозревал всю ситуацию твоей жизни в настоящий момент. <...>

Пастырские mreжи отца Иоанна бывали иногда так просты и незамысловаты, что их духовную силу и действенность не подозревал человек, улавливаемый ими. Из Питера по делам ехала к отцу Иоанну иконописец. Испытав уже на себе духовное влияние батюшки, она пригласила поехать с собой доктора, у которого лечилась. Та, самодостаточный, деятельный человек, руководитель отделения в больнице, какое-то время активно сопротивлялась, согласилась же с условием, что принимать участие в разговоре не будет, но только посмотрит древний монастырь и этим ограничится. На привале в лесу между путниками состоялся ничего не значащий разговор о чаепитии. Докторша оказалась любительницей зеленого чая, но сетовала, что не может приобрести для него заварочного чай-

ника, который был бы предназначен именно для этого сорта. Поговорили и забыли о разговоре. Благополучно прибыв в монастырь, путницы отправились к отцу Иоанну. Иконописец решила с батюшкой все свои проблемы, и он стал хлопотать о подарках для гостей. Видимо, никакого особого впечатления на докторшу отец Иоанн не произвел, она деликатно, но упорно держалась намеченной программы. Я металась по келье, собирая гостинцы. По моим ощущениям, подарков было собрано больше чем достаточно, а батюшка все продолжал требовать чего-то еще: «Ищи, ищи!» Но что и где искать, для меня было неясно. В смятении я открыла шкаф, где висели подрясники, и мне попала на глаза небольшая запечатанная коробка. Не зная, что в ней, я подала ее отцу Иоанну. В ней оказался заварочный чайничек зеленого цвета, который отец Иоанн с торжествующим видом преподнес госте. И надо было видеть ее реакцию на подарок. Так, без единого слова, зародились духовные отношения отца Иоанна с еще одним человеком. <...>

А вот и еще показательная встреча. Я выхожу из кельи, в коридорчике ожидают приема двое. По виду посетительниц оцениваю ситуацию. Женщина, скромно жавшаяся к стенке, и молоденькая монахиня у самой двери батюшкиной кельи. На лице монахини нетерпение и досада. Она недоброжелательно поглядывает на женщину, всем видом давая понять свое преимущество перед ней. Похоже, что ее «медовый месяц» монашества кончился и началась суровая школа с уроками духовной жизни, изобилующей искушениями. И сейчас монахиня несет старцу неподъемный груз накрывших ее скорбей. К радости одной и вящему неудовольствию другой, обеих вместе приглашаю в келью. Батюшка стоит в переднем углу перед иконами. Он вслух обращается к Святому Духу и затем, повернувшись к пришедшим, истово благословляет каждую. Усаживает справа и слева от себя и, обратившись к женщине, задает ей вопросы: «Ну что, матушка, как мы живы? Все пьет и бьет и детей по-прежнему гоняет благоверный-то?» Женщина, смущенно потупясь, начинает благодарить отца Иоанна за молитвы. Оказывается, запои супруга стали пореже и рукоприкладство пока прекратилось. «Да еще радость-то какая, ведь он со мной два раза уже в церковь сходил». На глазах показались слезы умиления за те крохи, которыми утешает ее Господь. За время этого разговора я вижу, как меняется выражение лица монахини: исчезло вызывающее, напряженное выражение глаз,

исчезла важность. А когда пришло время ей беседовать с отцом Иоанном, рядом с ним уже сидела девчушка, которая, прижавшись к его плечу головой, по-детски всхлипывала, и по лицу ее текли слезинки. Дрожащим голосом она поведала, что ее никто не бьет и у нее-то все хорошо. Вот только матушка игуменья не любит, да и среди сестер нет ни одной родной по духу. Пошептавшись некоторое время на ушко с монахиней, отец Иоанн достал из шкафа тоненькую книжицу и вручил ее монахине: «Вот для тебя первое «Добротолюбие». Это была сказка Пушкина «О рыбаке и рыбке». И произнес: «Мы с тобой путь в монашество начнем с этой книги, будем учиться благодарности Богу за все и терпению. Этого пока тебе и достаточно. Подарок мой поставь на видное место и поглядывай на него, а то, неровен час, не стать бы тебе игуменией, минуя монашество». <...>

Я выхожу на стук в дверь кельи. Передо мной женщина, на которой нет лица, будто смерть уже прикоснулась к ней. Пустые глаза без зрачков, смотрящие в никуда. Осторожно, чтобы не приложить боль к боли, задаю вопрос. Односложный ответ, и я немею от ужаса: как и чем утешит ее отец Иоанн? Возвращаюсь к батюшке, в нескольких словах говорю о посетительнице. И слышу: «Скорее, скорее веди ее сюда». Отец Иоанн встречает пришедшую в дверях кельи, тут же благословляет и ведет за руку в передний угол к иконам. На некоторое время водворяется какая-то особая тишина. Батюшка разговаривает с Богом. Опять благословляет женщину и в нарушение традиции еще до начала беседы помазывает ее освященным елеем и, усадив на диван, кропит крещенской святой водой. Все происходит в полном молчании. Совершив священнодействие, садится рядышком с посетительницей и, склонившись к ее уху, тихо произносит: «Матушка, дорогая, а ведь, если бы этого не случилось, ты бы за ручку церковной двери не подержалась». Так начинается общение. Женщина с трудом, но выходит из сковавшего ее горя. Доченька девятилетняя оставила записку: «Мамочка, ты меня больше никогда ругать не будешь» — и выбросилась из окна с десятого этажа. Несколько слов, проясняющих ситуацию: причина безумного поступка — разорванные новые кроссовки. Отец Иоанн решительно прерывает ее повествование. Начинает говорить сам: «Такой дорогой ценой взывает Господь души для вечности. С ребенка спросу нет и не будет, она фактически младенец, ей ничего не было дано, кроме современных модных тапочек,

чтобы была не хуже других, чтобы была как все. Этим горем Господь вошел в вашу жизнь, прикоснулся к душе, пробуждая в вас понятие о ценности жизни и о вечности. Молитва о дочери и о себе станет утешением для вас до конца дней в этой жизни и откроет дверь в жизнь вечную, где вас встретит дочь. Ваше прощание с ней временное. Господь мог бы, да и хотел спасти нас без скорбей, да мы-то без них спастись не умеем». <...>

Нельзя не упомянуть и еще об одном и даже нередком явлении в духовничестве отца Иоанна. Сам подходя с великой ответственностью за данный совет и всякое свое слово, он предполагал и ответственное отношение людей, с ним общавшихся. В годы, когда я еще только присматривалась к Печорам и стояла в толпе ожидавших батюшкиного внимания, меня поразило услышанное. Среди разговора отец Иоанн вдруг громко воскликнул: «Деточка, а разве ты не помнишь, как в прошлом году за Михайловским собором я уже отвечал тебе на этот вопрос?» <...>

Иногда, провидя духовные и душевные возможности посетителя, отец Иоанн просто уклонялся от ответов на заданный вопрос. Скажет: «Дай просворочку и конфеток». Я же, зная огорчение человека, пыталась прекословить, выпрашивая ответ, на что отец Иоанн категорически прерывал меня: «Я не могу ответить на этот вопрос как должно, ведь выполнять никто ничего не будет, а ответственность на человека ляжет большая. Уж пусть он живет как может, как сам разумеет, Господь снизойдет к его немощам и строго не осудит, а за слушание и презорство слова Божия будет уж иной суд. Зачем же нам усложнять ему жизнь и меру ответственности? Я помолюсь о нем, а ты дай ему конфетку». <...>

Редко, но бывали и случаи полного разрыва духовнических отношений. Причину же не свойственной ему суровости к некоторым батюшка сам объяснил письменно: «Вы не нуждаетесь ни в чьем руководстве, но хотите руководить и управлять не только мной, но и самим Промыслом Божиим». <...>

В последние десять лет жизни его близость Богу стала проявляться особенно. В 1993 году впервые он произнес слова: «А теперь слушай волю Божию...» Это произошло у престола в Успенском храме, когда встал вопрос об открытии монастырского подворья в Москве, которое ныне переросло в Сретенский монастырь. Вскоре, уже посылая меня ответить на заданный посетителем вопрос, он произнес: «Иди, скажи: Учитель сказал!» При этом остался не просто спокойным, но даже отстраненным. Через отца Иоанна говорил Спаситель. Первое время я буквально немела, сраженная таким его дерзновением, позднее привыкла как к само собой разумеющемуся. Ответом, данным через посредника, Сам Господь прикасался к судьбе человека, Сам Бог повелевал: «Учитель сказал».

А в последнем слове Учителя явилась уже Его трогательная забота не об одном человеке, но обо всех живущих, и дано это слово через отца Иоанна и записано его рукой. Ему было видение, о котором, по своему обыкновению, он умолчал. Но однажды в 2000 году батюшка подал мне конверт и произнес: «Прочитай». Слова Учителя пронзили мое существо. «Стой и смотри, что Я допустил для вашего вразумления без внезапной кончины людей. Виновных не ищите! Виновных не ищите! Молитесь! Будьте в жизни всегда и во всем осторожны». Я умоляюще вопросительно глянула на отца Иоанна, но он не ответил мне. <...>

ЗАПИСКИ О ЛИТУРГИИ И ЦЕРКВИ

ГЛАВА 13

Литургия как повторение Голгофы и Воскресения есть исцеление мира, *Пасха нетления — мира спасение*. В одной древней молитве это врачевание мира выражено так: *Мы вкушаем Твое Святое Тело, распятое за нас, и пьем Твою Животворящую Кровь, пролитую за нас. Да будет Твое Тело источником жизни для нас, а Твоя Кровь да будет нам во оставление грехов. Ради желчи, которую Ты пил за нас, избави нас от горечи врага. Принятым Тобою в питии укусом укрепи нашу немощь. И ради заплевания, которое Ты принял за нас, дай нам вкусить Твоей совершенной жизни. И за терновый венец, полученный Тобой, дай нам получить венец неувядаемый.*

Мы все получаем через благодать распятого Христа, открывшего нам тайну Святой Троицы. И следующий возглас об этом: *Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любви (любовь) Бога и Отца, и причастие Святаго Духа буди (да будет) со всеми вами». Горé (то есть к небу, к Божественному миру) имеем сердца. Ищите горнего... — говорит апостол, — о горнем помышляйте (Кол. 3:1, 2).*

Возглас священника должен вырвать нас в эти последние минуты перед причастием из нашего окаменелого нечувствия, из нашей духовной глухоты. *Горе имеем сердца — это последний призыв к Бого-общению, к его страшной и неизреченной реальности. «Сей хлеб да будет для тебя и пищу, и утешением, ненасытимыми и неистоимыми. Вино же, которое в сем Таинстве воистину есть Кровь Божия, да будет для тебя светом неизреченным, сладостию несказанною, радованием вечным», — говорит преподобный Симеон Новый Богослов.*

Но *Царство Божие внутри нас*, по слову Христову (Лк. 17:20). Поэтому это *горе* мы тоже должны обретать *внутри* себя. Говоря как бы от имени Христова, тот же святой пишет: «Когда видишь солнце в воде, самого солнца не видишь, потому что тогда смотришь вниз: так разумей и то, что бывает в тебе; затвори себя самого и старайся всегда видеть Меня чисто и ясно внутри себя, как солнце в чистой воде».

Горе — сердца. Но, живя в благодати Церкви, мы можем с дерзновением сказать: «И к земле!» — так как, по слову Златоуста, «таинство сие землю соделывает небом», и не напрасно святые называли Церковь Царством Божиим на земле. Как сказал один человек, «христиане верят не только в немислимое небо, но и в немислимую землю», в святыню земли, «подножие ног Христовых». По существу, вся литургия есть моление о том, чтобы благодать Божия — небесный огонь — сошла с неба на землю. Златоуст пишет: «Священник... совершает продолжительное моление... чтобы благодать, нисшедши на жертву, воспламенила чрез нее души всех...»

Благодарим Господа, возглашает священник. *Достойно и праведно есть поклоняться Отцу и Сыну и Святому Духу...* Во время пения этих слов священник про себя читает молитву, вознося благодарение Богу: *О всех, их же ве мы (о всех, которых знаем) и их же не ве мы, явленных (явных) и неявленных благодеевших, бывших на нас. Благодарим Тя и о службе сей (литургии), юже от рук наших прияти изволил еси, аще и (несмотря на то что) предстоят Тебе тысящи Архангелов и тьмы Ангелов...* И далее священник произносит громко: *Победную песнь поюще, вопиюще, взывающе и глаголюще.*

Свят, свят, свят Господь Саваоф... — отвечает хор. Саваоф — это Господь небесных воинств. Трижды произносится это слово *свят*, а священник во время пения хора читает молитву: *С сими и мы блаженными силами, Владыко Человеколюбче, вопием и глаголем: свят еси и пресвят Ты, и Единородный Твой Сын, и Дух Твой Святой. Свят еси и пресвят, и великолепна слава Твоя, Иже мир Твой тако возлюбил еси, якоже Сына Твоего Единородного дати, да всяк веруяй в Него не погибнет, но имать живот вечный. Иже пришед, и все еже о нас смотрение исполнив, в ночь, в нюже предаваясь, паче же (лучше сказать) Сам Себе предающе за мирский живот, прием хлеб во святых Своих и пречистых и непорочных рук, благодарив и благословив, освятив, преломив, даде святым Своим учеником и апостолом, рек (сказавши)...* И дальше священник говорит громко: *Приимите, ядите, сие есть Тело Мое, еже за вы ломимое во оставление грехов.* И, указывая на Чашу: *Пиите от нея вси, сия есть Кровь Моя Новаго Завета, яже за вы и за многия изливаемая во оставление грехов.*

Пейте от нее все — вот призыв Божий к людям... *Человек некий сотвори вечерю... и зва многи... грядите, яко уже готова суть вся... да наполнится дом мой* (Лк. 14:16, 17, 23). *Премудрость созда себе дом и утверди столпов седмь: закла своя жертвенная, и раствори в чаши своей вино, и уготова свою трапезу: посла своя рабы, созывающи с высоким проповеданием на чашу, глаголющи... приидите, ядите мой хлеб и пейте вино, еже растворих вам. Оставьте безумие и живи будете* (Притч. 9:1–3, 5–6). Ибо в высоком проповедании святого Таинства человек узнает, что грехов множество не превосходит Бога моего многое долготерпение и человеколюбие крайнее. Но милостию сострастия тепле кающихся и чистиши, и светлиши, и света твориши причастники, общники Божества Твоего. Бог дает человеку все, а ищет от него только любви и покаяния.

Твоя от Твоих, Тебе приносяще о всех и за вся. Твои нам дары, Господи, хлеб и вино, мы возносим сейчас к Тебе, чтобы Ты преложил их в Тело Твое и Кровь, отдаваемые за всех и за вся. *Тебе поем, Тебе благословим, Тебе благодарим, Господи, и молим Ти ся, Боже наш,* поет хор. *Господи, Иже Пресвятаго Твоего Духа в третий час апостолом Твоим низпославый, Того, Благий, не отыми от нас, но обнови нас молящих Ти ся,* молится священнослужитель в алтаре, молится весь храм и преклоняется до земли, так как именно во время пения *Тебе поем*, после особой молитвы священника над хлебом и вином, осуществляется великое таинство пресуществления их в Тело и Кровь Христовы.

Об этой минуте литургии так пишет святой Иоанн Златоуст: «Когда священник стоит перед престолом с воздетыми к небу руками, призывая Святого Духа сойти и коснуться Святых Даров, тогда бывает великая тишина».

В «Патерике» рассказывается, что один монах усомнился в истинности претворения хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы. После литургии вот что он рассказывал братьям монастыря: «Когда... вышли клирики (священнослужители)... имея Святых Тайн причастие, я видел, что отверзлись небеса и сходил огонь и со огнем множество святых Ангелов, и среди них другие два чудных лица, красоты которых нельзя и рассказать. И было сияние их как молния, и среди двух лиц [был] малый отрок. И святые Ангелы стали вокруг Святой Трапезы (престола), а два лица — над нею, и отрок в середине их. И когда были окончены святые молитвы и приблизились клирики раздробить хлебы причащения, я видел, что два лица стали держать младенца... и взяли нож, и закололи его, и источили кровь его в потир (чашу), и, рассекши тело его, положили наверху хлебов, и сделались хлебы телом. Когда подходили братья принимать, давалось им тело, и когда взывали они, говоря: «Аминь», становилось оно хлебом в руках их. Когда и я пришел принять... услышал голос, говорящий мне: «С верою ли примешь то, что держишь в руке твоей?» И я сказал: «Верую, Господи!» И когда я сказал сие, тело, которое я держал в руке моей, стало хлебом, и, возблагодарив Бога, принял я святую просфору. Когда же окончилась служба, я видел опять младенца... и когда клирики потребили Святые Дары, я видел, что опять открылась кровля церкви и Бо-

жественные Силы вознеслись на небеса. Услышав сие, братия [монастыря] вспомнили апостола, говорящего: *Пасха наша, Христос, заклан за нас* (1 Кор. 5:7), и в умилении пошли в келлии свои, прославляя... Бога».

ГЛАВА 14

Священники во время *Тебе поем* так же, как и во время Херувимской, молятся с воздетыми руками. В древности, вплоть до VI–VII веков, с воздетыми руками молились в храме при разных молитвах не одни священники, но и все молящиеся. Некоторый след этой древней практики можно видеть в указании Типикона о молитве Великого поста *Господи и Владыко живота моего*. Оказывается, что еще в те уже далекие от первохристианства средние века, когда составлялся Типикон, полагалось эту молитву совершать *с воздетыми руками*, и при этом не только священнику, но и всем мирянам.

Именно об этом способе моления пишет нам апостол Павел. Именно этот сильнейший способ моления образует из человека распятие, делая его всего крестом. А это особенно нужно на литургии, и особенно в эти минуты совершения таинства Креста. Человек страдает Владыке своему. Это тайна любви Творца и твари, так соединенной с Творцом, как тело соединено с головой, — может ли быть изолировано их страдание? Вместе с Господом и Церковь восходит на Голгофу.

«Церковь видит в Таинстве, на жертвеннике совершаемом, — пишет блаженный Августин, — что и *сама она вместе* приносится в том, что приносит... *Церковь верующих и общество Святых приносится Богу в жертву* Великим Архиереем, Который... и Самого Себя принес за нас в Своем страдании, чтобы быть нам телом... такой Главы, по воспринятому Им образу нашего рабства». Страдание или скорбь в христианстве не самоистязание и не принятое на себя послушание или «правило», а невольное единство чувства единого Тела. «Как женщина, имеющая во чреве, знает о том ясно... так и тот, кто имеет вообразившимся в себе Христа, знает движения Его», — говорит Симеон Новый Богослов. Вспомним еще раз образ «Знамения» Богородицы с Младенцем во чреве — Знамение Церкви. «Моя Любовь распялась», — говорит о себе святой Игнатий Богоносец. *Мне мир распялся, и аз миру*, говорит апостол Павел. *Любовию бо сраспялся еси Распншемуся нас ради, Павле преславне*, читаем мы в службе апостолу 29 июня. Это есть единство огня Божественного страдания. «Кто близ Меня, тот близ огня», — говорится в одном аграфе, достоверность которого как подлинных слов Христовых подтверждается тем, что он приводится не у одного древнего церковного автора, а у троих.

Огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся (Лк. 12:49).

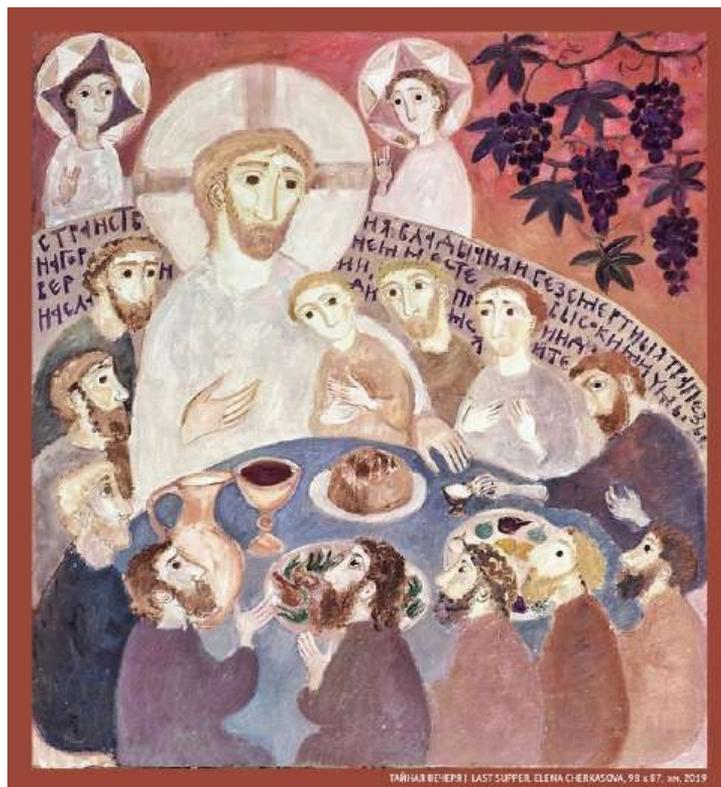
У святого Димитрия Ростовского была такая молитва: «Любовию Твоею Божественною да уязвлено будет сердце мое, о Боже мой! Да взыщу день и ночь Тебе, Господу моего, да всею душой моею к Тебе присоединен буду; да жегома и палима будет душа моя Божественным Твоим желанием; да присно сие имать души моей во утешение, да присно сие имать в тихое пристанище и непреложный покой». «В бескровной Жертве делаемся мы участниками со Христом (и) в страданиях, и в Божестве», — говорит святой Григорий Богослов. Это соучастие — суть и каждого христианина, и всей Церкви. «Церковь, истинная Невеста Христова... во изгнании основана и через апостольскую и мученическую кровь в стены произведется, и в том основании страдания и скончаться имать», то есть этим соучастием в страдании и в Божественной жизни своего Учителя и закончит она свой исторический путь. Любовь в человеке — это неизреченный сплав Божественной радости и человеческой скорби. Вот почему христиане не боятся скорби, если она не мешаает любви, вот почему *многими скорбями надлежит нам войти в Царствие*

Божие (Деян. 14:22) — в Церковь и небесную и земную. Путь к воскресению только через Голгофу. «Не распятый — не Христов. На крест возводит вера», — пишет епископ Игнатий (Брянчанинов).

Есть в литургии то участие в страданиях Его, о котором говорит апостол, и есть в ней апостольская устремленность. Потому-то, наверное, она так коротка и легка, как вздох. Чашу Мою будете пить и крещением Моим будете креститься...

«Священнодействие... окончено... — пишет Николай Кавасила, — Дары освящены, и великое заклание и жертвоприношение, о мире закланное, на освященной Трапезе зрится предлежащее. Ибо хлеб Господня Тела есть... самое всесвятое Владычне Тело... свидетельствовавшее при Понтийском Пилате доброе исповедание, распеншееся, заушенное, досажденное, оплеванное и желчь вкусившее... Жертвование же сие бывает... хлебу претворяющуся в закланного Агнца». К Нему все устремление литургии, к Нему, не только закланному, но и воскресшему и Собою воскресившему человека. «Жертвоприношение, совершаемое на литургии, — пишет тот же толкователь, — есть не только умиловительное... но и благодарственное. Какие же суть причины благодарения? *Святые!* В них Церковь обрела искомое, получила желаемое». В них открылась Церковь Божия, в них осуществилось дело Господне на земле — создание на земле преображенного человечества, создание на земле Царства Божия, в них «не умерла великая мысль», в них в темноте истории создано светоносное Христово Тело, «Соборное Существо». Как поется на Пасху: *Возведи окрест очи твои, Сионе, и виждь, се бо приидоша к тебе, яко богосветлая светила, от запада, и севера, и моря, и востока чада твоя, в тебе благословящая Христа во веки.*

Симеон, архиепископ Солунский, пишет: «Божественную призывает [священник] на себе самого и на предлежащие Дары благодать Духа, еюже [благодатию] и сии совершив [освящение] знамением креста и призыванием Духа Святаго, абие (уже) видит предлежащаго Иисуса... истинно суща хлебом и Чашею. Его бо есть [слова]: хлеб — Тело. Его же и сие: а еже в Чаше — Кровь, и всемирная жертва, и общее чистилище (очищение) и живущая (животворящая) сладость, и безконечное веселие, и Царствие Небесное, и самое воистину предлежит благо всем на Божественной Трапезе».

УРОКИ КОРОНАВИРУСА

Все мы под Богом ходим. В этом году эту простую истину осознали даже люди неверующие. Я с ностальгией вспоминаю время до начала этого года. Можно было ехать куда хочешь, разговаривать с кем хочешь и не думать об опасности заразиться воздушно-капельным путем смертельно опасной болезнью.

Похоже, таким беспечным мир уже не будет долго.

Коронавирус учит людей осторожности, но это, конечно же, не главный его урок. Уроки коронавируса становятся особенно очевидными, когда ты им заболеешь. Поэтому хочу поделиться этими уроками с теми, кто еще не болел.

Все мы знаем, что тяжелые эпидемии и войны происходят по попущению Божию для вразумления людей. Когда чаша грехов человеческих переполнена, Господь посылает нам шоковую терапию. Грехи совершаются под действием гордости, которая закрывает ум пеленою, и человек становится в некотором смысле безумным. Вразумление Божие преследует одну цель: человек должен прийти в себя, отряхнуть морок безумия, пересмотреть приоритеты своей жизни и привести их в соответствие с заповедями Христовыми.

Все мы, люди церковные, знаем это. Тем не менее быт и невнимательное отношение к духовной жизни приводит к охлаждению в вере. Да, мы продолжаем ходить в храм, участвовать в таинствах, исполнять домашнее правило. Это охлаждение не таково, чтобы человек стал атеистом, хотя и такое бывает. Но обычно результатом этого охлаждения является подмена краткосрочных целей в жизни. Если нас спросить, то все мы, конечно же, хотим спастись и наследовать Царство Небесное — это в долгосрочной перспективе.

Но если спросить о цели конкретного дня, конкретного часа, то наша большая благородная цель распадается на множество мелких земных желаний: поесть, пойти на работу, сходить в магазин, почитать новости, посмотреть вечером кино. А перед сном и с утра мы возвращаемся — на полчаса — к нашей великой и благородной цели спасения.

К сожалению, так не спасешься. И четко это понимаешь именно при потрясении — как, например, при ковиде. Когда целыми днями и даже неделями лежишь с температурой и такой слабостью, что ни о каком правиле не

может быть и речи, начинаешь понимать, что связь с Богом не должна измеряться получасом или часом, а должна быть непрерывной.

Невозможно любить с паузами. Любовь подчиняет человека всецело, а любовь к Богу — особенно.

Я переболел не очень тяжело, слава Богу. С воспалением, правда, но дома. Уже почти месяц не был на богослужении. Надеюсь, что дело идет на поправку. Могу сказать одно: когда болеешь, все ненужное, чем мы занимаем свое время и развлекаемся вроде бы невинно, начинаешь видеть по-другому. Все наши развлечения начинаешь воспринимать как оковы, которые мешают богоугождению. Они становятся грузом, который обременяет ум помыслами, сердце — мечтаниями, тело — страстями. Лежа на постели, с которой при ковиде есть вероятность не встать, понимаешь, что тонны времени жизни истрачены впустую, когда можно было их потратить на молитву и добрые дела.

Генеральный пересмотр своей жизни — вот главная цель возникновения коронавируса в мире. Мы с вами живем в мире иллюзий, и самая главная из них — что мы живем по-христиански. Друзья, будем искренни сами с собой: это не совсем правда. Как говорит апостол Павел: *Вы еще не до крови сражались, подвизаясь против греха* (Евр. 12:4). Он говорит это не монахам, потому что тогда еще не было монашества. Он говорит это обычным мужчинам и женщинам, которые работали, женились, растили детей.

Апостол Павел говорит о крови тем христианам, которые могли каждую минуту стать мучениками и пролить свою кровь за Христа. Что же тогда сказать о нас? Мы погружены в мир комфорта и неги. Для нас катастрофа — отключение электричества. Мы не то что *не до крови сражались*, мы еще и не начинали сражаться. Мы, поколение конца XX века, превратились в каких-то хлюпиков, в тепличные растения, в аморфную греховную массу. И мы надеемся своим получасовым утренним и вечерним правилом достичь спасения душ (ср.: 1 Пет. 1:9)?!

Коронавирус все расставляет на свои места. Страшно умирать? Значит, ты еще совсем не готов. А почему, веря в Бога и участвуя в таинствах, мы не готовы? Потому что не победили в себе страсти. А почему не победили? Пото-

му что плохо с ними сражаемся. Лениво как-то, вполсилы. Потому что в глубине души не хотим с ними расставаться. Ведь каждая страсть приносит животное наслаждение, неважно, о какой страсти идет речь. И наша плоть помнит это.

Все эти мысли пронзают, когда ты находишься в смертельной опасности. Плохо переболеть коронавирусом, еще хуже — заразиться вторично. Поэтому страх смертный становится остаточным эффектом заболевания. Начинаешь особенно четко понимать, что все наши дни сочтены и они сокращаются. Сокращается время, чтобы победить страсти и грехи, чтобы очистить себя, обрести благодать, хоть какую-нибудь. Прописные истины христианства, которые блекнут от нашей нерадивой жизни, во время тяжелой болезни проявляются ярко и контрастно, как будто с пыльного экрана тряпкой убрали грязь.

Что делать, чтобы спастись, мы все знаем прекрасно, но исполнять не хотим. Только во время Великого поста наша совесть пробуждается и велит нам жить и подвизаться по настоящему. Оттолкнуть от себя удобоприятельный грех, застыть в богоугождении и молитве, подстегивать себя бичом поста. Что же, теперь экстраполировать Великий пост на весь год? Экстраполировать! Но не Великий пост, а великопостную *ревность*, которая жарко влечет нас на подвиг ради Бога. И самый главный подвиг, который мы должны освоить в течение своей жизни, — это память Божия. Непрестанное памятование о Боге, которое возникает от непрестанного покаяния и молитвы, которое сохраняет наш ум и сердце от пустых помыслов, празднословия, моментального пленения греховными прилогами. Это как первая линия обороны, которая не позволяет нечистым духам нагло и беспрепятственно приступить к нам и помыкать нами.

Понятно и очевидно, что все мы с вами не отшельники-исихасты. Однако не бывает христианства без Христа. А когда в нашем уме память о Христе возникает лишь на малое время, получается, что девяносто процентов нашего времени наш помысл блуждает где угодно, а десять процентов — посвящает Богу. И это в лучшем случае. В каком-то смысле это становится *вынужденной* жертвой, компромиссом с совестью, дабы она нас не обличала, что мы живем по-язычески. Хотя, по сути, это и есть язычество, только в легкой форме. Так сказать, язычество «лайт». Да, мы не совершаем кровавые жертвоприношения, но живем не в духе христианской кротости и любви. Над нами царствуют осуждение, гнев, сребролюбие, тщеславие, похоть. Осуждение всех и вся, нетерпимость к чужому мнению, объединение,

невнимательность к себе — мы прочно погрузились в это болото. Поэтому периодически нас охватывает тоска. Она проходит после храмового богослужения, потому что там благодать изливается водопадом. Но мы все меньше становимся достойными этой благодати.

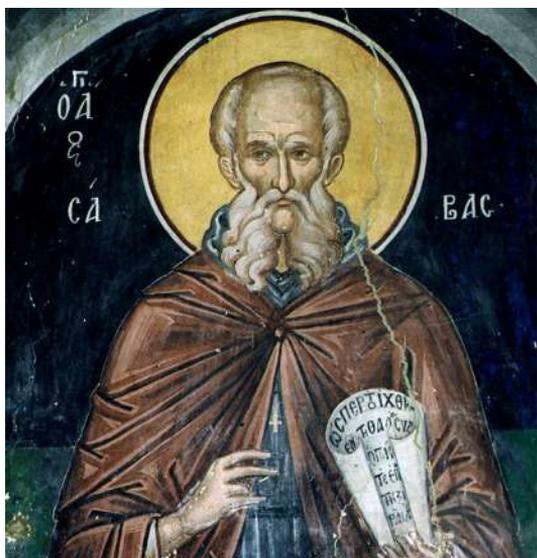
Коронавирусная лихорадка четко обличает погрешности в духовной жизни. И болезнь от меня стала отступать только тогда, когда я возблагодарил Бога за нее. Если бы не болезнь, я бы еще долго занимался самообманом и не хотел бы видеть правду. А правда состоит в том, что остановка в духовной жизни означает движение назад. Мы должны непрестанно толкать себя вперед, непрестанно совершать усилие над собой, непрестанно подвизаться. И для многих из нас усилие и подвиг состоит для начала в том, чтобы не всунуть свой нос в общее осуждение на работе, уклониться от просмотра пустого фильма, сделать что-то доброе (хотя бы уделить свободное время своему ребенку) вместо того, чтобы посидеть в соцсетях.

Итак, братья и сестры, *время начаться суду с дома Божия* (1 Пет. 4:17). Уйдет ли коронавирус, будут ли изобретены эффективная вакцина или лекарство — нам неизвестно. Зато прекрасно известно, что заразиться вирусом может каждый. И умереть от него может каждый из нас. Поэтому, пока Господь дает нам время на покаяние, постараемся использовать его максимально эффективно. Сейчас — время молитвы. Апостол Павел говорит, словно живет одновременно с нами: *Время уже коротко, так что имеющие жен должны быть, как не имеющие; и плачущие, как не плачущие; и радующиеся, как не радующиеся; и покупающие, как не приобретающие; и пользующиеся миром сим, как не пользующиеся; ибо проходит образ мира сего* (1 Кор. 7:29–31).

Заболеем мы или нет — это дело Божие. Наше дело — соблюдать предписания врачей. Это по-человечески. А по-христиански — соблюдать заповеди Божии. Не формально быть христианином, а наполнить каждый день и каждый час маленькой целью преобразования души. Превратить каждую минуту жизни в отстаивание чистоты своей души, в борьбу с рассеянием, блужданием помыслов, в усвоение памяти Божией. Сражаться Иисусовой молитвой с подступающими к нам каждый миг греховными помыслами, толкающими нас на осуждение, гнев, объедение, похоть и прочее. Так из множества мелких пазлов труда над собой произрастет древо непрестанного покаяния и внимательного отношения к себе. Только так и можно достигнуть *наконец верою вашей спасения душ* (1 Пет. 1:9).

2020 г.

НОЧНАЯ СЛУЖБА ПРЕПОДОБНОМУ САВВЕ ОСВЯЩЕННОМУ

Святые отцы говорят, что продолжительные всенощные бдения, когда мы отрешаемся от дневной суеты и все душевные силы стараемся подчинить молитве, соединяют нас с Богом. И вот уже восемнадцать лет в нашем приходе совершается бдение по монастырскому чину в ночь на 18 декабря, на память преподобного Саввы Освященного. Оно начинается в девять вечера и длится восемь часов. С радостью и усердием готовится к нему хор. Приезжают священнослужители из других храмов. Не оскудевает поток прихожан. И мы надеемся, что эта традиция продолжится.

Когда любители уставного пения впервые предложили о. Димитрию совершить ночное бдение, он охотно благословил и сам участвовал в одной из первых служб. Сначала их совершали в Митрофаньевском храме, потом перенесли в Благовещенский, чтобы вместить всех желающих помолиться ночью.

Идея служить на память Саввы Освященного родилась не случайно. В 483 году преподобный основал в Иудейской пустыне Великую Лавру и ввел в ней монастырский устав, который впоследствии распространился по всему православному Востоку, был несколько дополнен и получил название Иерусалимского или Палестинского. Ныне по нему совершаются богослужения Русской Православной Церкви.

По преданию, при основании Лавры преподобному явилась Богородица и обещала, что благочестивые монахи наследуют спасение, сама же обитель пребудет до Второго пришествия. Во время паломничества на Святую Землю нам удалось там побывать. Некогда в Лавре жили святитель Андрей Критский и преподобный Иоанн Дамаскин. В наше время здесь около двадцати монахов, причем один из них, отец Филарет, родом из Москвы и даже из нашего района.

Главной святыней обители являются нетленные мощи святого Саввы, обретенные в 547 году. Позже из-за нашествия персов их перенесли в Константинополь, а в 1256 году крестоносцы вывезли их в Венецию. В 1965 го-

ду преподобный явился во сне папе Иоанну Павлу, и святыня была возвращена в Лавру.

Это событие ознаменовалось чудом: в обители зазеленела давно засохшая пальма, и теперь ее целебные листья раздают паломникам. До наших дней сохранился и святой источник, обретенный по молитвам преподобного Саввы.

Главный храм Лавры — Благовещенский — построен византийским императором Юстином Великим, весьма почитавшим преподобного. Сохранилось свидетельство, что, когда святой вошел к императору, тот встал с трона и поклонился ему до земли.

В алтаре Благовещенского храма покоятся главы преподобных Ксенофонта, Аркадия и Иоанна, которые здесь подвизались. Супруга же Ксенофонта, преподобная Мария, жила в Лавре преподобного Феодосия. Наш рассказ о том, что придел Благовещенского храма в Петровском парке освящен в честь этих святых, вызвал живой интерес монахов.

Возможно, благодаря этой духовной связи и установилась приходская традиция на память преподобного Саввы Освященного совершать бдение по монастырскому чину.

ДЕДУШКА КРЫЛОВ И ОПТИНСКИЕ СТАРЦЫ

2/13 февраля 1769 — 9/21 ноября 1844

Причину, по которой Господь Иисус Христос был вынужден говорить притчами, святой Лука (Войно-Ясенецкий) объяснял так: люди, грубые сердцем, и слыша — не слышат и не понимают. Люди, далекие от жизни духовной, отвергающие интересы религии, никогда не вспоминают о Боге и не хотят слышать ничего, что напоминало бы им о Нем. Господь Иисус Христос изобрел такое средство. Он говорил прикровенно: в притчах, в рассказах. И эти притчи заинтересовывали людей, они слушали Его рассказы и над ними задумывались.

Басня же по своей сути и есть притча, явление того же рода и схожего назначения. Недаром в словаре Даля можно прочитать:

Публикуется в сокращении.

ПЕТУХ И ЖЕМЧУЖНОЕ ЗЕРНО

Навозну кучу разрывая,
Петух нашел Жемчужное Зерно
И говорит: «Куда оно?
Какая вещь пустая!
Не глупо ль, что его высоко так ценят?
А я бы, право, был гораздо боле рад
Зерну ячменному: оно не столь хоть видно,
Да сытно».

Невежи судят точно так:
В чем толку не поймут, то все у них пустяк.

КРЕСТЬЯНИН И ЛОШАДЬ

Крестьянин засеивал овес;
То видя, Лошадь молодая
Так про себя ворчала, рассуждая:
«За делом столько он овса сюда принес!
Вот, говорят, что люди нас умнее:
Что может быть безумней и смешнее,
Как поле целое изрыть,
Чтоб после рассорить
На нем овес свой попустому?
Стравил бы он его иль мне, или гнедому;
Хоть курам бы его он вздумал
разбросать,
Все было б более похоже то на стать;
Хоть спрятал бы его: я видела б в том
скудость»;

А попусту бросать! Нет, это просто глупость». Вот к осени, меж тем, овес тот убран был, И наш Крестьянин им того ж Коня кормил.

Читатель! Верно, нет сомненья,
Что не одобришь ты Конева рассужденья;
Но с самой древности, в наш даже век,
Не так ли дерзко человек
О воле судит Провиденья,
В безумной слепоте своей,
Не ведая его ни цели, ни путей?

ЗЕРКАЛО И ОБЕЗЬЯНА

Мартышка, в Зеркале увидя образ свой,
Тихохонько Медведя толк ногой:
«Смотри-ка, — говорит, — кум милый мой!
Что́ это там за рожа?
Какие у нее ужимки и прыжки!
Я удавилась бы с тоски,
Когда бы на нее хоть чуть была похожа.
А ведь, признайся, есть
Из кумушек моих таких кривляк пять-шесть;
Я даже их могу по пальцам перечесть». —
«Чем кумушек считать трудиться,
Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?» —
Ей Мишка отвечал.

Но Мишенькин совет лишь попусту пропал.

Таких примеров много в мире:
Не любит узнавать никто себя в сатире.

«Басня — это иносказательное, поучительное повествование, то же, что и притча...» Недоговоренность, намек, призыв к соразмышлению и диалогу делают этот жанр необычайно гибким и достаточно глубоким для существенных смыслов. Общепризнанное значение басен Крылова в том-то и заключается, что в легкой, шуточной форме, которая воспринимается абсолютно всеми вне зависимости от ранга, статуса, возраста или образования, в них говорится очень о серьезных вещах, причем хорошо знакомых и близких всякой душе. Ведь их соль — в нравственных истинах Евангелия, заложенных в русском человеке от самого его рождения. Поэтому и снискал автор бессмертных басен себе в народе имя ласковое и родное — дедушка Крылов, а многие выражения из его произведений навсегда вошли в русский язык, став крылатыми словами.

Читая басню «Петух и жемчужное зерно», православный человек непременно вспоминает про евангельского купца: *Еще подобно Царство Небесное купцу, ищущему хороших жем-*

чужин, который, найдя одну драгоценную жемчужину, пошел и продал все, что имел, и купил ее (Мф. 13:45–46).

Басня «Крестьянин и Лошадь» отсылает нас к евангельскому размышлению о Промысле Божиим и к строкам из Библии: *Мои мысли — не ваши мысли, ни ваши пути — пути Мои, говорит Господь. Но как небо выше земли, так пути Мои выше путей ваших, и мысли Мои выше мыслей ваших (Ис. 55:8–9).*

Стихи из басни «Зеркало и Обезьяна»: «Чем кумушек считать трудиться, не лучше ль на себя, кума, оборотиться?» — прямая цитата слов Спасителя: *И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревно в твоём глазе не чувствуешь? (Мф. 7:3).*

В басне «Лань и Дервиш» Крылов говорит о добродетели бескорыстия, раскрывая существо подлинной Христовой любви.

Басня «Дуб и Трость» обличает гордыню.

Немалые грехи для христианской души и хвастовство со тщеславием, ибо заповедано Спасителем: *...кто хочет между вами быть*

*Я даже видел то вчера:
Что Климыч на руку нечист, все это знают;
Про взятки Климычу читают,
А он украдкою кивает на Петра.*

ЛАНЬ И ДЕРВИШ

*Младая Лань, своих лилась любезных чад,
Еще сосцы млеко имея отягченны,
Нашла в лесу двух малых волчат
И стала выполнять долг матери
священный,
Своим питая их млеко.
В лесу живущий с ней одним
Дервиш, ее поступком изумленный,
«О безрассудная! — сказал, — к кому любовь,
Кому свое млеко ты расточаешь?
Иль благодарности от их ты роду чаешь?
Быть может, некогда (иль злости их
не знаешь?)
Они прольют твою же кровь». —
«Быть может, — Лань на это отвечала, —
Но я о том не помышляла
И не желаю помышлять:
Мне чувство матери одно теперь лишь
мило,
И молоко мое меня бы тяготило,
Когда б не стала я питать».*

*Так, истинная благодать
Без всякой мзды добро творит:*

*Кто добр, тому избытки в тягость,
Коль он их с ближним не делит.*

ДУБ И ТРОСТЬ

*С Тростинкой Дуб однажды в речь вошел.
«Поистине, роптать ты вправе на природу, —
Сказал он, — воробей, и тот тебе тяжел.
Чуть легкий ветерок подернет рябью воду,
Ты зашатаешься, начнешь слабеть
И так нагнешься сиротливо,
Что жалко на тебя смотреть.
Меж тем как, наравне с Кавказом, горделиво,
Не только солнца я препятствую лучам,
Но, посмеваясь и вихрям и грозам,
Стою и тверд и прям,
Как будто б огражден ненарушимым миром:
Тебе все бурей — мне все кажется зефиром.
Хотя б уж ты в окружности росла,
Густою тению ветвей моих покрытой,
От непогод бы я быть мог тебе защитой;
Но вам в удел природа отвела
Брега бурливого Эолова владенья:
Конечно, нет совсем у ней о вас раденья».
«Ты очень жалостлив, — сказала Трость
в ответ, —
Однако не крушись: мне столько худа нет.
Не за себя я вихрей опасуюсь;
Хоть я и гнусь, но не ломаюсь:
Так бури мало мне вредят;
Едва ль не более тебе они грозят!*

большим, да будет вам слугою (Мф. 20:26), — об этом «Две Бочки».

Басня «Безбожники» рассказывает нам о долготерпении и любви Божиих, о которых написано в Псалтири Давидовой: *Щедр и милостив Господь, долготерпелив и многомилостив* (Пс. 102:8), и голос Крылова в этом его произведении звучит пророчески.

Совершенно очевидно, что автор дает своего рода смысловую кальку того, о чем читаем в Писании, но при этом его произведения лишены внешней церковности. В том-то и сила их, что о православных истинах, о Самом Христе Крылов говорит прикровенно или, как он сам выражался, «вполоткрыта».

Иван Андреевич Крылов находится на вечном поминовении в знаменитой Введенской Оптиной пустыни. Оптиные старцы часто наставляли приходивших к ним богомольцев метким и афористичным словом Крылова. Архимандрит Агапит (Беловидов) в жизнеописании преподобного старца Амвросия Оптинского пишет, что в хибарке старца в ком-

нате его келейника, преподобного Иосифа, лежала книга басен Крылова. Часто среди дня во время приема множества людей батюшка Амвросий входил в комнату отца Иосифа, где наскоро обедал. При этом старец заставлял кого-нибудь из посетителей прочитать подходящую басню Крылова, содержание которой касалось обращенного к нему вопроса. Крылова отец Амвросий очень любил, его «Басни» всегда стояли на полке старца среди святоотеческих трудов и другой душеполезной литературы. Не только прихожан, но и своих келейников он частенько просил почитать Крылова, не переставая восхищаться живым слогом, точностью выражений, юмором и остротой мысли.

Один раз батюшка Амвросий велел одной посетительнице, монахине из Шамординского монастыря, прочесть вслух басню «Ручей». Это басня о ложном смирении, которое ведет к осуждению и греху.

В архивах Оптиной пустыни сохранилось письмо отца Амвросия неизвестному адреса-

*То правда, что еще доселе их свирепость
Твою не одолела крепость
И от ударов их ты не склонял лица;
Но — подождем конца!»
Едва лишь это Трость сказала,
Вдруг мчится с северных сторон
И с градом и с дождем шумящий аквилон.
Дуб держится — к земле Тростиночка припала,
Бушует ветер, удвоил силы он,
Взревел — и вырвал с корнем вон
Того, кто небесам главой своей касался
И в области теней пятою упирался.*

ДВЕ БОЧКИ

*Две Бочки ехали; одна с вином,
Другая
Пустая.
Вот первая — себе без шуму и шажком
Плетется,
Другая вскачь несется;
От ней по мостовой и стукотня, и гром,
И пыль столбом;
Прохожий к стороне скорей от страху жметя,
Ее слышавши издалека.
Но как та Бочка ни громка,
А польза в ней не так, как в первой, велика.*

*Кто про свои дела кричит всем без умолку,
В том, верно, мало толку,
Кто делов истинно, — тих часто на словах.*

*Великий человек лишь громок на делах,
И думает свою он крепку думу
Без шуму.*

БЕЗБОЖНИКИ

*Был в древности народ, к стыду земных племен,
Который до того в сердцах ожесточился,
Что противу богов вооружился.
Мятежные толпы, за тысячью знамен,
Кто с луком, кто с пращой, шумя, несутся
в поле.
Зачинщики, из удалых голов,
Чтобы поджечь в народе буйства боле,
Кричат, что суд небес и строг и бестолков;
Что боги или спят, иль правят безрассудно;
Что проучить пора их без чинов;
Что, впрочем, с ближних гор камнями
нетрудно
На небо дошвырнуть в богов
И заметить Олимп стрелами.
Смутяся дерзостью безумцев и хулами,
К Зевесу весь Олимп с мольбою приступил,
Чтобы беду он отвратил;
И даже весь совет богов тех мыслей был,
Что, к убеждению бунтующих, не худо
Явить хоть небольшое чудо:
Или потоп, иль с трусом гром,
Или хоть каменным ударить в них дождем.
«Пождем, —
Юпитер рек, — а если не смирятся*

ту, готовящемуся, по всей видимости, к дуэли. Размышляя о грехе гордыни как основной причине дуэли, отец Амвросий в заключение пишет: «Думал было я закончить сим письмом мое к вам, но пришла мысль, что я не все написал... Настойчивость нигде не числится среди добродетелей, а скорее составляет недостаток, даже и в людях великих. По басне Крылова и орлу, устрояющему гнездо на высочайшем дереве, следовало бы послушать крота, когда последний уверял его, что дерево это имеет гнилые корни. Орел, отвергнув благой совет существа, по обыкновенному мнению, слепотствующего, подвергнул бедствию птенцов своих, когда возстал буря и исторгла это дерево. Дай Бог, чтобы древо благочестия вашего устояло и с помощью Господней выдержало бурю нашедшего искушения, чего от всей души и от всего моего сердца искренно желаю Боголюбию вашему».

Любовь батюшки Амвросия к басням Крылова передавалась и другим оптинским старцам. В 1877 году преподобный Анатолий (Зер-

цалов) писал одной из своих духовных чад, монахине Е.: «Говорил о тебе батюшке Амвросию и о всех ваших обстоятельствах. Он благословил еще потерпеть... Потерпи-ка, постарей, приглядишь и увидишь, что на деле многое не таково, чем нам кажется на вид. Вспомни молодого коня Крылова: не только других, но и себя-то не мог понимать. А как начало подталкивать делом-то то вбок, то взад, — ну, и показал сноровку, за которую и поплатились хозяйские горшки (басня «Обоз». — *Ред.*). Так сделай Е. игуменьей, и выйдет не то, что ожидалось... Скорби есть во всех монастырях».

В другой раз преподобный Анатолий пишет в Елец одной собиравшейся в монастырь молодой особе: «Вчера или третьего дня о. М. сказал, что ты там все пляшешь. Я ему советовал указать тебе басню Крылова «Стрекоза и Муравей». К тебе она подходит. Та тоже любила масленицу и не жаловала поста — все плясала. Говорю это не в укор тебе, а чтобы ты знала настоящее положение вещей и при случае не теряла головы, то есть помнила бы,

*И в буйстве прекоснят, бессмертных
не боясь,*

Они от дел своих казнятся».

Тут с шумом в воздухе взвилась

*Тьма камней, туча стрел от войск
богомятежных;*

*Но с тысячью смертей, и злых и неизбежных,
На собственные их обрушились главы.*

Плоды неверия ужасны таковы;

И ведайте, народы, вы,

*Что мнимых мудрецов кощунства толки
смелы,*

Чем против божества вооружают вас,

Погибельный ваш приближают час,

И обратятся все в громовые вам стрелы.

РУЧЕЙ

Пастух у Ручейка пел жалобно, в тоске,

Свою беду и свой урон невозвратимый:

Ягненок у него любимый

Недавно утонул в реке.

Услыша пастуха, Ручей журчит сердито:

«Река несытая! что, если б дно твое

Так было, как мое,

Для всех и ясно и открыто,

И всякий видел бы на тинистом сем дне

Все жертвы, кои ты столь алчно поглотила?

Я чай бы, со стыда ты землю сквозь прорыла

И в темных пропастях себя сокрыла.

Мне кажется, когда бы мне

Дала судьба обильные столь воды,

Я, украшеньем став природы,

Не сделал курице бы зла;

Как осторожно бы вода моя текла

И мимо хижинки и каждого кусточка!

Благословляли бы меня лишь берега,

И я бы освежал долины и луга,

Но с них бы не унес листочка.

Ну, словом, деляя путем моим добро,

Не приключая нигде ни бед, ни горя,

Вода моя до самого бы моря

Так докатилась чиста, как серебро».

Так говорил Ручей, так думал в самом деле.

И что ж? Не минуло недели,

Как туча ливная над ближнею горой

Расселась:

Богатством вод Ручей сравнялся вдруг с рекой;

Но, ах! куда в Ручье смиренность делась?

Ручей из берегов бьет мутною водой,

Кипит, ревет, крутит нечистую пену в клубы,

Столетние валяет дубы,

Лишь трески слышны вдалеке;

И самый тот пастух, за коего реке

Пенял недавно он таким кудрявым складом,

Погиб со всем своим в нем стадом,

А хижинки его пропали и следы.

Как много ручейков текут так смиренно, гладко,

И так журчат для сердца сладко,

Лишь только оттого, что мало в них воды!

что за сладостию — расслабление, за мирскою веселостию — скука, за пресыщением — тяжесть и даже болезнь следуют, как тень за телом». И далее: «Святая Церковь, наша учительница, поет: «Кая сладость бывает печали не причастна? Кая ли слава стоит на земли непреложна? Вся сени немощнейша! Вся сонный прелестнейша!» И Крылов, светский писатель, сказал свою «Стрекозу» не тебе одной и не мне, а всему свету, то есть кто пропляшет лето, тому худо будет зимою. Кто во цвете лет не хочет заняться собою, тому нечего ждать при оскудении сил и при наплыве немощей и болезней».

Последний оптинский старец преподобный Нектарий (Тихонов), отличавшийся феноменальным образованием, знавший многие языки, наравне беседовавший с людьми науки и читавший наизусть Пушкина и Державина, как-то сказал своему духовному чаду: «Многие говорят, что не надо читать стихи, а вот батюшка Амвросий любил стихи, особенно басни Крылова». И, следуя приме-

ру своего великого предшественника, преподобный Нектарий также поучал своих подопечных, используя метафоричный и емкий крыловский стих.

И в наше время возрожденная после годов лихолетья обитель продолжает давнюю и добрую традицию проповеди крыловской басней «вполоткрыта». Чада известного оптинского отца, ныне покойного игумена Феодора (Трутнева), вспоминают, как батюшка, наделенный даром исцелять больных, лечил своих подопечных. Старец быстро обнаруживал необходимый лечебный корень или травку в своей «зеленой аптеке», затем на нужной странице открывал книгу басен Крылова, в которой говорилось, например, что у сильного всегда бессильный виноват, и, объяснив, как надо заваривать лекарственное снадобье, вручал больному брату кулек с корешками. Когда же тот приходил в келью, то чувствовал себя совершенно здоровым...

Посещал ли при жизни Крылов Оптину пустынь, доподлинно не известно. Возможно,

ОРЕЛ И КРОТ

*Не презирай совета ничьего,
Но прежде рассмотри его.*

*Со стороны прибыв далекой
В дремучий лес, Орел с Орлицею вдвоем
Задумали навек остаться в нем
И, выбравши ветвистый дуб высокой,
Гнездо себе в его вершине стали вить,
Надеясь и детей тут вывести на лето.
Услыша Крот про это,
Орлу взял смелость доложить,
Что этот дуб для их жилища не годится,
Что весь почти он в корне сгнил
И скоро, может быть, свалится;
Так чтоб Орел гнезда на нем не вил.
Но кстати ли Орлу принять совет из норки,
И от Крота! А где же похвала,
Что у Орла
Глаза так зорки?
И что за стать Кротам мешаться сметь
в дела
Царь-птицы!
Так многого с Кротом не говоря,
К работе поскорей, советчика презря, —
И новоселье у царя
Поспело скоро для царицы.
Все счастливо: уж есть и дети у Орлицы.
Но что ж? — Однажды, как зарей
Орел из-под небес к семье своей*

*С богатым завтраком с охоты торопился,
Он видит: дуб его свалился
И подавило им Орлицу и детей.
От горести невзвидя свету,
«Несчастный! — он сказал. —
За гордость рок меня так люто наказал,
Что не послушался я умного совету.
Но можно ль было ожидать,
Чтобы ничтожный Крот совет мог добрый
дать?» —
«Когда бы ты не презрел мною, —
Из норки Крот сказал, — то вспомнил бы,
что рою
Свои я норы под землей
И что, случаясь близ корней,
Здорово ль дерево, я знать могу верней».*

ОБОЗ

*С горшками шел Обоз,
И надобно с крутой горы спускаться.
Вот, на горе других оставя дожидаться,
Хозяин стал сводить легонько первый воз.
Конь добрый на крестце почти его понес,
Катиться возу не давая;
А лошадь сверху, молодая,
Ругает бедного коня за каждый шаг:
«Ай, конь хваленый, то-то диво!
Смотрите: лепится, как рак;
Вот чуть не зацепил за камень. Косо! криво!
Смелее! Вот толчок опять!*

и посещал, поскольку много путешествовал, в том числе по святым местам. Кроме всего прочего, от современных оптинских отцов я узнала, что юношей Иван Крылов несколько лет проживал в усадьбе Попелёво, что всего в 10 километрах от Оптиной. Усадьба была основана в середине XVIII века и принадлежала изначально дворянам Бестужевым-Рюминым, затем с 1793 по 1827 год — тем самым Бибиковым, у которых и трудился то ли писарем, то ли переплетчиком молодой Иван Крылов. Скорее всего, Крылов здесь жил в 1794–1796 годах.

Зная о религиозности Ивана Андреевича, трудно предположить, что, живя неподалеку от святой обители, он мог как-то обойти ее стороной. В 1726 году по указу Екатерины I Оптина пустынь была официально восстановлена, еще в 1773 году здесь были всего двое монахов, и только в 1796 году настоятелем обители был назначен иеромонах Авраамий, с приходом которого началась новая жизнь монастыря и сама традиция старчества.

Вот где-то как раз у самого этого зачала, у самого истока великой Божией оптинской реки и оказался, с большой долей вероятности, наш будущий классик Иван Крылов — тот, кому пусть посмертно, но еще предстояло сюда вернуться. И вернуться навсегда.

*А тут бы влево лишь принять.
Какой осел! Добро бы было в гору
Или в ночную пору;
А то и под гору, и днем!
Смотреть, так выйдешь из терпенья!
Уж воду бы таскал, коль нет в тебе уменья!
Гляди-тко нас, как мы махнем!
Не бойсь, минуты не потратим,
И возик свой мы не свезем, а скатим!»
Тут, выгнувши хребет и понатужа грудь,
Тронулася лошадка с возом в путь;
Но только под гору она перевалилась —
Воз начал напирать, телега раскатилась;
Коня толкает взад, коня кидает вбок,
Пустился конь со всех четырех ног
На славу;
По камням, рывзинам пошли толчки,
Скачки,
Левей, левей, и с возом — бух в канаву!
Прощай, хозяйские горшки!*

*Как в людях многие имеют слабость ту же:
Все кажется в другом ошибкой нам;
А примешься за дело сам,
Так напроказишь вдвое хуже.*

СТРЕКОЗА И МУРАВЕЙ

*Попрыгунья Стрекоза
Лето красное пропела;
Оглянуться не успела,*

*Как зима катит в глаза.
Помертвело чисто поле;
Нет уж дней тех светлых боле,
Как под каждым ей листком
Был готов и стол и дом.
Все прошло: с зимой холодной
Нужда, голод настает;
Стрекоза уж не поет;
И кому же в ум пойдет
На желудок петь голодный!
Злой тоской удручена,
К Муравью ползет она:
«Не оставь меня, кум милой!
Дай ты мне собраться с силой.
И до вешних только дней
Прокорми и обогрей!» —
«Кумушка, мне странно это:
Да работала ль ты в лето?» —
Говорит ей Муравей.
«До того ль, голубчик, было?
В мягких муравах у нас
Песни, резвость всякий час,
Так, что голову вскружило». —
«А, так ты...» — «Я без души
Лето целое все пела». —
«Ты все пела? это дело:
Так поди же, попляши!»*

ТАМ, ГДЕ ЧТУТ НОВОМУЧЕНИКОВ...

Этот рассказ — обычная, мало чем примечательная история, связанная с глубоким и искренним почитанием памяти новомучеников. Там, где их любят, чтут, где им молятся, — подобные встречи, подобные праздники, являющие единение мучениколюбцев, повторяются периодически. Однажды, на регулярно проводимых в нашем приходе Рупышевских чтениях, в кратком своем сообщении наш клирик о. Андрей Спиридонов обратил внимание на чрезвычайную близость к нам новомучеников и исповедников, близость, открывающуюся очам веры через едва заметные чудеса.

Наш короткий рассказ ныне — о замечательном селе между городом живописцев Палехом и древней Шуей. Называется село Большие Дорки.

Здесь в начале XX века служил священномученик Иоанн Прудентов, ревностный пастырь необычайной внешней и внутренней красоты, один из тех, на которых выстояла Церковь Христова в годы советских гонений.

Батюшка прекрасно пел сам и учил пению прихожан, всегда был щедрым на милостыню и строгим в воспитании и собственных детей, и прихода. Дружил с собратьями — о. Павлом Светозаровым и о. Иоанном Рождественским, расстрелянными в 1922 году по делу об изъятии церковных ценностей. Впоследствии и сам прошел тройной подвиг: сначала — изгнание в Нарымский край, по возвращении — крайний голод и нищета, в 1937 году — расстрел.

Сейчас в Больших Дорках живут, молятся и трудятся две монахини. Они как бы являют образ Лазаревых сестер: за Марию старшая в скиту матушка Христина — иконописица,

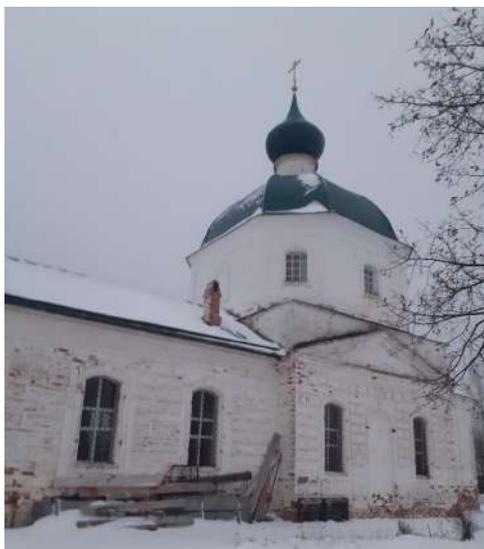
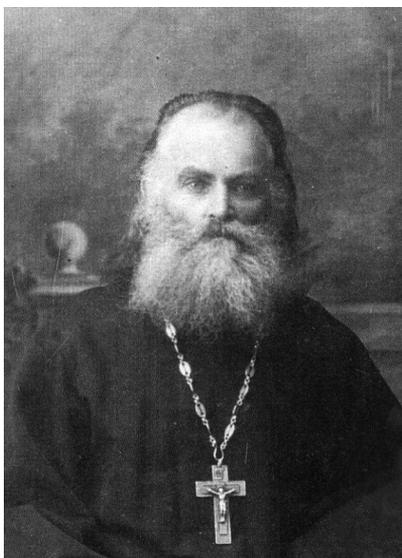
знаток византийского пения, а за Марфу деятельная, шустрая в хозяйстве матушка Елизавета — полуангличанка-полуголландка, приехавшая еще 30 лет назад в Россию и обретшая здесь духовную родину. Обе свято чтут память священномученика Иоанна, собирают материалы о нем, общаются с его родственниками.

В первый раз мы с супругой посетили Большие Дорки в августе прошедшего года с подачи нашего друга о. Андрея Колосова, председателя богослужебной комиссии Кинешемской епархии.

Мне уже посчастливилось написать две службы святым этой епархии: святителю Василию Кинешемскому и блаженному мученику Алексию Елнатскому. Возникла идея прославить отдельной службой и священномученика Иоанна Прудентова.

Его день памяти совпал с Елнатским блаженным — 25 сентября. Потому, выяснив, что о. Иоанн был прославлен 26 декабря, я старался написать службу до конца года, чтобы спеть ее в Больших Дорках и услышать, что нуждается в доработке и корректуре.

Когда в целом служба была готова, мы, получив соответствующее благословение от епископа Кинешемского Илариона, поехали в Большие Дорки. Нас (четверых горетовских прихожан, матушку и меня) тепло встретил благочинный Палешского округа о. Николай Костров. Матушки Христина и Елизавета чудно пели на византийский лад. Утро мы служили литургию. Трудно описать словами, но особая близость новомучеников — это драгоценный факт современной духовной жизни. Будем дорожить этим и прославлять их — словом, красками, молитвами.

ИЗ СЛУЖБЫ СЯЩЕННОМУЧЕНИКУ ИОАННУ ПРУДЕНТОВУ

Стихира, глас 3:

От крайня нищеты, Иоанне, / отвсюду утешением безбожными, / притяжав некрадомо богатство воздержания, / на поприще страдания дерзаеши сугубое, / да, устреляем лютостью миродержца, / во веки, святче, насладиши // неизреченныя Спасовы благостыни благодсти.

Стихира, глас 7:

Во своя возвраща, лишен всего, / тяготою безмерною обложен, / токмо Ти, Сердцеведче Господи, / поверяю тугу душевную: / о Зиждителю, паче Пища всех, / Сам восполни земных оскудение крайнее, // не лиши, Человеколюбче, и небесных.

Тропарь, глас 1:

Пастырская свирель доброгласия твоего / созывает словесныя овцы / еже внимати житию твоему, славне: / о благочестии ревностно подвигшуся, / трегубое страданий поприще прошедшу со Христом, / изгнание претерпевшу и крайнюю нищету, / душу конечно за Господа положившу, // о Иоанне, молитвенниче наш.

Песнь 4-я канона

Яко некую свирель богогласную / лик церковный благоустрояеши, Иоанне отче: / се труды ти неусыпныя, / се же похвала поющему: // слава силе Твоей, Господи.

Щедростию украшен духа, / страннолюбие души являет соотчичам Иоанн, / аще и малым удовлен, разделяет последняя просящим, / несумненною взывая верою: // слава силе Твоей, Господи.

Слава:

Еже к присным духа строгостию обращен, / еже к немощным — терпением, / вся любовью покрывая, отче, / вся пети созываеши: // слава силе Твоей, Господи.

И ныне:

Не остави в болезнях, Целительнице, / возносящихся смири кротостию, / унывающия воздвигни, // вся любовьию уврачуй ны, Владычице.

Стихира, глас 5, подобен «Радуйся»:

Радуйся согражданине мучеников, / Не возмогоша бо от любве тя разлучити Божия, / Ни изгнание, ни теснота, ни смерть, / Древним уподобившуся страдальцем / Жаждою всего себе пожрети / Спасу совершенною любовью, / Новомучеником о дружe искреннейше Иоанне: / Павлу светозарну со тезоименником ти Палешским // Троегласно вечно славящии Троицу Божественну.

ПАМЯТИ ОТЦА ДИМИТРИЯ

МОНАХИНЯ СЕРАФИМА (КОНСТАНТИНОВСКАЯ),
приход святителя Николая Чудотворца (Оксфорд), доктор философии,
преподаватель Богословского факультета Оксфордского университета,
секретарь Православной ассоциации богословских школ (Оксфорд)

21 октября отошел ко Господу в вечные селения протоиерей Димитрий Смирнов, отец и наставник многих, в России и за ее пределами.

Глубоко знаменательно, что 40 дней со дня кончины земной жизни отца Димитрия пришлось на день святого апостола и евангелиста Матфея. Поражает, насколько применимо к жизни отца Димитрия окончание Евангелия от Матфея: *Шедше убо научите вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Святаго Духа* (28:19), потому что этими словами как бы суммируется то, о чем неустанно заботился отец Димитрий: чтобы все пришли ко Христу.

Очень значительным представляется также то, что отпевание Батюшки было 23 октября, в день памяти преподобного старца Амвросия Оптинского. Легко прослеживаются параллели между житием, трудом и обликом преподобного Амвросия — и отца Димитрия. И так очевидно, что слово апостола Павла, высеченное на надгробии преподобного Амвросия: *Для немощных был как немощный, чтобы приобрести немощных. Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых* (1 Кор. 9:22), в высокой степени применимо и к отцу Димитрию.

И мы по человечеству скорбим. Скорбь проистекает из того, что смерть духовного отца — это дикость, в которую как бы невозможно поверить. Скорбим из сознания того, что никогда уже в этой жизни не услышать его живое слово, не ощутить благословение его руки. Скорбим, что остались сиротами. Что не дано было побыть с ним еще немного, обратиться к нему со словами «прости меня» — за огорчения, которые доставляли, за тупость, за непонимание его слова. Скорбим, что Господь не продлил его дней с нами, чтобы нам исправить и порадовать его любвеобильное сердце.

Но ясно сознание и того, что для него самого сейчас наступила Радость — потому что отец Димитрий теперь с Господом, Егоже возлюбил и Ему же работал всю жизнь, буквально кладя душу свою за Бога и за ближнего. И вместе с его преставлением туда, идеже присещает Свет Лица Господня, и мы стремимся умом вслед за ним, вдохновляемые его евангельской проповедью.

По слову псалмопевца, *Праведник яко финикс процветет* (Пс. 91:13). Эти слова уместно вспомнить, размышляя об отце Димитрии. Стоящий в золотой плеяде великих и святых иерархов, священников и духовников Православной Церкви

наших дней, с которыми он составлял одно целое, отец Димитрий и сам может быть назван светильником духовным. Блаженны мы, что хоть и малое время, но имели счастье осветиться и погреться в лучах его любви. Как некий духовный атлант, отец Димитрий десятилетиями нес на своих плечах тяготы и скорби России, тяготы и скорби современного помраченного мира.

Вся жизнь отца Димитрия указывает на то, что он великий русский христианский просветитель. Теперь, когда он отошел от нас и как бы подводя итог времени, которое Господь дал погреться в его лучах, до боли очевидно, что годы отца Димитрия были недолгими. Ему еще не было семидесяти лет. Он ушел от нас ко Господу, будучи еще в молодом возрасте. Многие его друзья, среди которых и иерархи, и иереи, и миряне, знали его еще молодым человеком. Однако можно с уверенностью сказать, что за этот сравнительно недолгий срок отец Димитрий прожил полную и совершенную, в значении завершённую, жизнь, войдя *в меру полного возраста Христова* (Еф. 4:13). Этой жизни хватило бы на много христианских деятелей и просветителей. И на сердце снова восходят слова апостола: *время моего отшествия настало. Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил* (2 Тим. 4:6–7).

И двадцать и тридцать лет потребны для осознания наследия человека масштаба отца Димитрия. Но и с такого небольшого «отстояния» от дня его отшествия от нас поражает, как насыщены были годы его земной жизни. По его собственному выражению, за свою жизнь он «наворотил» столько, что хватило бы на десять жизней. И можно с уверенностью сказать, что работа его для домостроительства семьи, Церкви и даже государства, его дела милосердия к труждающимся и обремененным, кого за свою жизнь отец Димитрий нашел, взял к себе, любил и за кого душу полагал, составляют христианский подвиг.

Батюшка — это также великий проповедник Христов и Христа. При мысли о его проповеди на ум приходят три великих Иоанна: Иоанн Богослов, Иоанн Златоуст и Иоанн Предтеча Господень. Иоанн Богослов — потому что батюшка, как казалось, особенно любил и вдохновлялся словом святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова, апостола любви. Иоанн Златоуст — потому что, подобно ему, отец Димитрий, как новый Златоуст, неустанно и богодухновенно проповедовал людям Христа. Многие и многие, кого при жизни он направлял своим вдохновенным и долготерпеливым словом, теперь, по отшествии его от нас, могут идти вслед ему, по его стопам к Царствию Божию, имея его слово как руководство. Предтеча и Креститель Господень — потому что, подобно Крестителю, батюшка был гласом, вопиющим в пустыне (ср. Ис. 40:3; Мф. 3:3) современного обмирщенного и опустошенного мира.

На протяжении многих лет отец Димитрий неустанно растолковывал тем, кто в состоянии был услышать, суть духовной брани христианина: золотые святоотеческие основы христианства, неотделимые от любви к Богу и ближнему, а также от духовной брани, — принципы, которые батюшка умел донести до человека с поразительной ясностью и живым современным языком. Вспоминается, как с ранних лет своего служения батюшка говорил о том, что христианину необходимо бороться. «Каждое утро христианин встает на борьбу. Борьбу с кем? С самим собой...» (из ранней проповеди). Борьба не со внешними врагами, а со внутренними: с помыслами и страстями ветхого человека, *потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных* (Еф. 6:12). И в борьбе за жизнь и спасение братьев и за утверждение христианской жизни отец Димитрий не боялся вообще ничего. Это был подлинно бесстрашный борец и воин Христов, который в духовной битве шел до конца.

С начала пастырского служения отца Димитрия в 1979 году и вплоть до его исхода тем, кто был рядом и знал его, было ясно, что всеми мыслями, устремлениями и всей жизнью отца Димитрия руководит одно: любовь к Богу и ближнему. Поэтому встают в сознании так любимые самим батюшкой и другие слова апостола Павла в послании к Коринфянам. Батюшка часто сам приводил их, называя их гимном любви:

Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, — то я ничто. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы. Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает... (1 Кор. 13:1–8).

Это слово апостола Павла указывает на любовь как христианское совершенство, уже не природно человеческое, а превосходящее естество и по сути своей божественное, навстречу которому человек может продвигаться лишь с помощью действия благодати Божией. И удивительно, насколько применимо оно к жизни самого отца Димитрия. Батюшкина любовь была такова, что он имел великий дар сострадания и жалости к человеку. Это дыхание любви и сострадания излучалось от него на большое расстояние. Он действительно был одним из тех духовников, на которых хочется всегда смотреть и с которыми желаешь всегда находиться. Бывало, что, еще только приближаясь к нему, человек начинал плакать о грехах. Невозможно перечислить всех, кто, соприкоснувшись с батюшкиной любовью и благодатью, жившей в нем, коренным образом изменил свою жизнь. На вопрос о том, что помогло ей радикально изменить свою жизнь, прихожанка Крестовоздвиженского храма в Алтуфьево (1989 год) поведала, как в проповеди батюшка сказал: «Жить нужно — для Бога». Слова простые, но они были сказаны так, что после них ее жизнь повернулась к Богу. «Многие могут говорить такие слова, — сказала она, — но не многим дано словами сдвинуть гору человеческой жизни».

В писаниях преподобного Силуана Афонского выражена радикальная мысль: если кто не любит и не прощает врагов — спасение того человека не достоверно (ср. святой архимандрит Софроний (Сахаров), «Преподобный Силуан Афонский», Глава о любви). Всей своей жизнью батюшка являл эту христианскую добродетель прощения и непоминания зла. Она естественно и свободно вытекала из свойства любви, наполнявшей его сердце.

Любовь никогда не направлена на себя. Она противоположна эгоистичной самозамкнутости. Батюшка не уставал говорить о любви. О том, что главное в жизни человека — это любить. Не искать своего, а стараться для другого и ради другого. И он с первых дней своего священнического служения был истинный пастырь, *пастырь добрый*, душу полагающий за овец (ср. Ин. 10:11). Это было исполнение второй евангельской заповеди. Но это касается и первой заповеди: *возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всю крепость твою...* (Мк. 12:30). Потому что, как подчеркивается в святоотеческих писаниях, исполнение второй заповеди — о любви к ближнему — приходит к человеку через исполнение первой заповеди — о любви к Богу. И отец Димитрий любил Христа великой любовью.

Поэтому уже сейчас ясно, что его пребывание здесь и служение можно назвать не просто жизнью, а житием. Своим великим и смиренным житием, своим терпением скорбей и непрестанным радованием о Господе и своим словом отец Димитрий указал путь и направление: как бы снабдил и картой и компасом. Хочется вспомнить, что в заключении своего глубокого слова об отце Димитрии, произнесенного на вечере, посвященном его памяти, отец Валерьян Кречетов подчеркнул слова апостола Павла о духовном отцовстве и сыновстве: *Поминайте наставников ваших, которые проповедовали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их* (Евр. 13:7), призвав тем самым помянуть отца Димитрия и, взирая на итог его земной жизни, подражать ему. И, помяная его, душа желает также просить его молить.

И сейчас, творя память по отцу нашему протоиерее Димитрии, возможно, у многих из сердца исходит молитва: «Праведный Отче Димитрие, моли Бога о нас!»

зуть знал Священное Писание. Много раз мне удавалось наблюдать, как он молился и в келии, и на богослужении. Всегда, когда он совершал Божественную службу, он производил двойственное впечатление: с одной стороны, видно, что это пожилой, кроткий и физически несильный человек небольшого роста. А с другой стороны, все остальное духовенство рядом с ним становилось такими маленькими пигмеями, как цыплятки. И тем не менее у него было удивительное умение — он никогда ни перед кем не превозносился. Поэтому любовью человек, любого звания, самого простого, всегда с ним чувствовал себя равней, и ему очень легко было поверять разные сердечные тайны.

Он каждого человека воспринимал действительно как Бог, то есть целиком, со всеми его немощами. Никогда никого не осуждал. Если печалился, то только о грехе человека как о болезни. Мог и головой покачать сокрушенно, но всегда с любовью, с каким бы грешником он ни общался, потому что монастырь есть монастырь, туда разные люди приходят, и даже жулье откровенное. Но нельзя было даже и представить, чтобы батюшка как-то осудил человека или ему что-то грубо сказал. Он со всеми обращался нежно, и эта нежность шла не от воспитания, хотя отец Иоанн был человек глубоко интеллигентный, очень воспитанный. Но это шло именно от глубокой христианской духовной культуры, то есть это было благоприобретенное совершенство.

За поминальной трапезой читали богословское произведение отца Иоанна о душе, наполненное глубочайшим догматическим содержанием. Он прекрасно ориентировался в догматах Православия, был человеком богословски весьма и весьма образованным. Не было такого житейского случая, такой коллизии, из которой бы он не находил выхода. Он обладал редчайшим даром рассуждения, и мне представляется, что он был единственный на земном шаре человек, который обладал этим даром в такой необычайной степени совершенства. Святые отцы говорят, что этот дар даже больше, чем любовь. Поэтому служение отца Иоанна было старческое. Он прекрасно чувствовал волю Божию, был прозорливым. И, используя то, что люди к нему приходят с таким благоговением, с почтением ловят каждое его слово, Господь через него являл людям Свою волю. Очень

многим людям, которые искали у него совета, он открывал волю Божию, говорил, как им быть. И каждый уходил от него погруженным в любовь.

Первый раз я к нему приехал после смерти старца Тавриона, к которому ездил ежегодно. Я услышал, что есть такой старец Иоанн (Крестьянкин), и поехал посмотреть. И вот очень интересно: мы вошли к нему в келию с моей женой, и он как бы дал мне на себя посмотреть — он со мной вообще не общался, а только с ней: мол, хотел посмотреть, вот на, посмотри. И потом, помню, как-то сидим у него в келье — ездили всегда по несколько человек, — а он мне: «Что же вы, батюшка, ничего не спрашиваете?» Я руки развел, и он говорит: «А мне довольно на тебя смотреть?» В древнем патерике тоже есть такой случай (отец Иоанн и в художественной литературе, и в божественной был очень человек начитанный; несмотря на старость, сохранил прекрасную память).

Его келейник архимандрит Филарет сказал, что он последние годы совсем плохо себя чувствовал, но вообще не жаловался, только иногда охал. Говорит, спрашиваю его: «Батюшка, ну вот вы так охаете, вам плохо?» — «Нет, нет, все хорошо». — «А почему же вы тогда охаете?» — «Мне так легче». Это единственное, по чему можно было заключить, что он как-то нехорошо себя чувствует. Он оставил завещание устное: батюшкам, которые приедут его отпевать, всем раздать епитрахили, и была приготовлена целая коробка картонная с епитрахиями.

Очень интересно, как он умер: в день новомучеников и исповедников Российских между ранней и поздней литургией. То есть на ранней его поминали еще о здравии, а на поздней уже за упокой. Недавно издали диски проповедей отца Иоанна, и первая проповедь — именно на память новомучеников и исповедников, как будто он знал день своей кончины. А ведь он как раз и был исповедник. И Господь причислил его к этому ряду.

Сейчас уже единицы остались батюшек, которым за девяносто. Они практически все сидели, и отец Иоанн был одним из них. Он пять лет сидел в тюрьме, страдал за свою веру, и если бы Сталин не умер, то еще дольше бы сидел, а так его выпустили чуть пораньше. Он мне рассказывал, что, когда выходил на свободу, начальник лагеря или еще какой чин спро-

сил у него: «Батюшка, вы поняли, за что вы сидели?» — «Нет, так и не понял». И тот ему говорит: «Надо, батюшка, идти за народом, — сделал паузу, — а не народ вести за собой». Потому что отец Иоанн смолоду, как стал священником, был очень ревностным, всегда проповедовал, и это привело к такому результату, его арестовали.

Церковь всегда очень высоко ставила исповедников, это был особый чин. По правилам древней Церкви, еще до V века, если какой-то человек пострадал за Христа и остался жив, то он, даже не будучи священником, имел право отпускать грехи. То есть уже тогда, в молодости, отец Иоанн обладал такими высокими дарами христианскими, а в конце жизни это просто был совершенный человек. Поэтому люди к нему так и тянулись. Нет ничего удивительного, что Путин приехал поздравить его с девяностолетием, потому что к такому человеку все хотели как-то прикоснуться, его услышать. Ему даже приходилось бегать, потому что прохода никакого не было от народа. Я к нему чаще зимой приезжал и так и помню: он весь укутанный, как кочан капусты, быстро-быстро бежит, а за ним бегут женщины. Вот такое постоянное зрелище.

Роль подобных людей в Церкви очень велика. Чем отец Иоанн так важен? Тем, что шестьдесят лет окормлял, можно сказать, всю Россию. Тем, что наглядно в себе самом показал, что такое настоящее христианство. Ведь лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Тем более что подавляющее большинство людей абсолютно не обучаемы либо по лени, либо по слабости ума. Обычный человек больше семи минут не может даже на чем-то сосредоточиться. Поэтому объяснить христианство теоретически, в проповедях, из книги невозможно. А он христианство являл: что такое кротость, что такое незлобие, что такое послушание, что такое мудрость, что такое прозорливость, что такое любовь.

Все христианские добродетели, которые есть, в нем были, причем были не в зачаточной форме, как в каждом человеке, а в совершенстве. Вот как часы «Ролекс»: лучше быть не может, хоть ты что сделай! Безукоризненный ход, все доведено до филигранной точности. И это очень важно, потому что какой-нибудь человек приедет к отцу Иоанну — и все, он уже знает, что такое христианство. Конечно, если мы захотим такими стать, это не большо-

то получится. Для этого надо иметь необычайную решимость, очень глубокую веру, очень сильную волю и любовь к Богу. Поэтому отец Иоанн для меня все эти двадцать пять лет являлся просто украшением жизни, и я с ужасом ждал, когда наступит этот день. Хотя понятно, конечно, что хоть до ста лет доживи, все равно расставаться с этим миром приходится, но тем не менее это большая потеря.

На отпевании о нем много говорили прекрасных слов, и день был такой солнечный, и служба, несмотря на сутолоку, была необыкновенная, какая-то очень живая. Все люди в присутствии покойного отца Иоанна как бы сбросили с себя внешние атрибуты, каждый оказался самим собой. Возникла необыкновенно искренняя атмосфера. И тем не менее этот день очень грустный, потому что такого масштаба человека у нас в России больше нет. А если в России нет, то его и нигде в мире нет. А если его на нашем земном шарике нет, среди шести миллиардов людей, то и во Вселенной нет. Вся наша огромная Вселенная осиротела. Есть, конечно, люди и хорошие, и просвещенные, и духовные, безусловно, но вот такого нет. Они рождаются, может быть, раз в двести-триста лет. Хотя понятно, конечно, что такими не рождаются, это человек путем христианского подвига таким стал. И после его кончины мы все осиротели.

Когда отец Таврион умер — великий человек, подвижник, он семнадцать лет сидел, — но вот он умер, и сразу появился отец Иоанн. Или отец Павел (Троицкий). Он тоже отсидел, был в ссылке (тридцать лет тюрем и лагерей!) и достиг необычайных даров Божиих. Но он был в затворе, с ним общаться приходилось через письма, а отец Иоанн был из доступных. Еще есть отец Кирилл, старец, но он тоже уже лежит. Хотя то, что он жив, как-то греет душу. А если и отца Кирилла не станет, то все, пустыня, никого не будет. Все остальные по сравнению с ними — это «цирк зажигает огни». Поэтому как мы будем жить дальше?

Конечно, на небесах святых много, они на нас глядят с икон, и среди них людей, достигших христианского совершенства, тысячи, просто тысячи. Взять хотя бы преподобного Серафима Саровского — тоже все виды христианского подвига совершил. А тут, представляете, такой человек жил среди нас! Вот я в его келье был, при-

сел на диванчик, на котором он всегда людей принимал. Все такое знакомое, родное, потому что там ничего не менялось: как двадцать пять лет назад, так и сейчас. Может, какие-то фотографии новые появлялись, какие-то грамоты от Патриарха, ну а так в целом та же самая келья.

И к нему приходили разные люди. Даже такой факт: несколько парней на отпевание прилетели на собственных самолетах. Пришли и нищие, и супербогатые, и епископы, и простые священники — разных слоев совершенно люди. И все они питались благодатью Божией, исходящей от отца Иоанна. Он душу человеческую очень хорошо знал. Особенно хороши были его проповеди во время Великого поста и на исповеди. И представьте: каково ему было со всеми нами возиться? Мы исполнены грехом, всякими страстями: у кого обида, у кого зависть, у кого самомнение. А у него, человека совершенного, ничего этого не было. Он был чистейший, как Ангел, и действительно выглядел просто Ангелом. Он всегда благоухал, особенно последнее время. Поэтому ему было легко утешать душу, он вливал в нее небесную чистоту. В церковных песнопениях есть такие слова о преподобных: «Во плоти Ангел, небесный человек...» — и отец Иоанн был прямо такой. Его можно и канонизовать, а можно и нет — это ничего не меняет абсолютно. На отпевании никому в го-

❖ лову даже не пришлось говорить, что пусть ❖ Господь простит ему грехи. У него их не ❖ было, человек абсолютно совершенный. ❖ Это, конечно, диво дивное.

❖ Такие люди, как отец Иоанн, молятся за ❖ весь мир, и он на литургии, помню, всегда ❖ поминал какое-то необыкновенное число, ❖ тысячи и тысячи имен. И по его молитвам ❖ Бог совершал много действительно насто- ❖ ящих чудес. Многие люди ему письма пи- ❖ сали, он до последнего отвечал. Сам уже ❖ писать не мог, диктовал келейнице. Она ❖ запишет, а он потом подпись поставит: ❖ А.И. — архимандрит Иоанн. Тысячам лю- ❖ дей посылал поздравления с Рождеством, ❖ с Пасхой. Эти поздравления сейчас изда- ❖ ны, можете почитать, вчитаться — очень ❖ глубокие, необыкновенные, там нет ни од- ❖ ного лишнего слова.

❖ От избытка сердца глаголют уста. Отой- ❖ ти как-то от этих событий, похорон от- ❖ ца Иоанна сразу невозможно. Придется ❖ еще долго переживать, вспоминать об ❖ этом, потому что событие огромное, все- ❖ ленского масштаба. Даже «Новости» и то ❖ сообщили. Это вам не Арон Шарон забо- ❖ лел, не Римский папа умер. Отец Иоанн! ❖ Понимаете? Если собрать всех людей, то ❖ он — первый, потому что если таких лю- ❖ дей среди нас нет, то и жизнь как-то бес- ❖ смысленна. А отец Иоанн не только укра- ❖ шает нашу жизнь, он показывает, к чему ❖ мы можем стремиться. Аминь.

ИЗ БАТЮШКИНЫХ ПРОПОВЕДЕЙ

К сожалению, мы еще недостаточно знаем Евангелие. И надо нам стараться, чтобы жизнь евангельская вошла в навык и стала нашей жизнью.

Что такое нищета духовная? Это есть смиренномудрие, когда человек сознает свою полную духовную нищету и, как нищий, просит у Бога духовной жизни. Это первый шаг, без которого нельзя достичь Царствия Божия.

То, что Господь нам подает, надо всегда воспринимать как дар: и когда у нас радость, это дар, и когда Господь болезнь послал, это тоже дар.

Любому человеку, который считает, что у него все в порядке кроме денег и здоровья (их-то всегда мало), Христос делается ненужным.

Святое Причастие — камень, на котором пробуется наша вера. Как мы относимся к нему, так мы относимся ко Христу.

Надо каждый день, который мы проживаем, жить ради Бога.

Дорогие братья и сестры!

Наша прихожанка Людмила Ильинична Ашуркова, много лет проработавшая врачом в детском доме «Павлин», просит о помощи: ее дочери Татьяне, страдающей органическим поражением центральной нервной системы, которое обострилось после перенесенной ковидной инфекции с пневмонией, необходимо лечение в реабилитационном центре. Стоимость лечения 104 тысячи рублей в месяц.

Татьяна Ашуркова — художница, поэт, лауреат многих литературных конкурсов, автор сборника стихов «Нашла проталину свою».

Реквизиты для перевода средств:

Расчетный счет: **42306810438054600908**

Получатель: **Ашуркова Людмила Ильинична**

Банк: **ПАО СБЕРБАНК**

БИК: **044525225**

Назначение платежа: **на лечение Татьяны**

Деньги можно перечислить и на карту, которая привязана к телефону 8-963-992-19-48.

*Поминайте наставников ваших,
которые проповедовали вам
слово Божие.
(Евр. 13, 7)*

П О З Д Р А В Л Я Е М

отца Александра Терпугова
*с днем рождения 1 февраля
и днем Ангела 7 февраля,
на мч. Александра Римлянина*

**КАНОН —
православное агентство
недвижимости.**

Честная помощь в покупке/продаже/
аренде недвижимости.

Бесплатная консультация. apkanon.ru.
Тел. +7-985-367-76-67.

ПРИХОДСКАЯ БИБЛИОТЕКА

открыта в трапезном корпусе
Митрофаниевского храма,
на втором этаже. Библиотека
работает по вторникам и средам
с 10 до 17 часов. Посещение
в другие дни и часы возможно
по личной договоренности
с библиотекарем (звонить
в рабочие часы библиотеки
по тел.: +7-495-611-40-74).

Для записи иметь при себе паспорт.

Дипломированный специалист,
наша прихожанка, проводит
для детей всех возрастов **массаж**,
в том числе грудничковый,
общеоздоровительный,
лечебный, логопедический,
а также занятия на фитболе.
Тел. +7-926-267-70-93, Полина.

Приходской проект
СЕМЕЙНЫЕ ВСТРЕЧИ В ОТЧЕМ ДОМЕ

совместно со школой бального
танца «Душа» приглашают
на танцевальные занятия!

Каждое **ВОСКРЕСЕНЬЕ**:

14.00–15.00 мастер-классы
к Семейному балу (для родителей
и детей с 4-х лет) **БЕСПЛАТНО!**

15.00–17.00 бальный танец
для молодежи и взрослых.

Подробности и запись в группы
у педагога +7-985-418-31-60, Анна.

Дорогие друзья!

Объявляется набор в кружок
ПЛЕТЕНИЯ КРУЖЕВА

на коклюшках для детей и взрослых.
Занятия проходят по субботам
в Доме причта
(галерея «Андрей Рублев»)
в дневное время.

Педагог Ольга Сергеевна Матюнина,
выпускница художественного
училища при МГХПА
им. С.Г. Строганова.

Записаться во взрослую или детскую
группу можно по телефону:
+7-909-677-07-96.

**Приходская театральная студия
ПЕТРОВСКИЙ ПАРК**

объявляет набор. В программе:
обучение актерскому мастерству
и участие в спектаклях.

Занятия/репетиции проходят
два раза в неделю. Приглашается
молодежь до 40 лет. Перед
поступлением в студию нужно
пройти собеседование. Подробности
по телефону: +7-963-770-93-45
(Мара Георгиевна). Также смотрите
информацию в группе:
vk.com/theatre_petrovpark
и на сайте www.petrovpark.ru.

На нашем приходе
действуют

ЕВАНГЕЛЬСКИЕ КРУЖКИ.

По четвергам с 19.00 в доме причта
при храме святителя Митрофана
Воронежского — для молодежи
(до 40 лет). По воскресеньям с 13.00
при храме Благовещения Пресвятой
Богородицы — для всех желающих.

Подробности по телефону:
+7-963-770-93-46 (дьякон Яков)
и на сайте www.petrovpark.ru.

Танцтеатр СПЕКТР

открывает

дополнительный набор: малыши
3-4 лет — в подготовительное
отделение хореографии; дети с 5 лет,
подростки и взрослые любители —
в основной состав танцтеатра
с участием в балете-спектакле.

Подробности и запись
по телефону +7-916-462-06-87.

При Благовещенском храме
действует

группа дневного пребывания

для детей 2–7-ми лет.
Режим работы с 9.00 до 19.00.
Уютная домашняя обстановка,
профессиональный присмотр,
развивающие занятия и игры,
обед и прогулка в парке при храме.
Отличный педагогический состав,
добрые воспитатели
с педагогическим образованием,
индивидуальный подход.
Тел. +7-903-740-50-50, Нина.

Наши прихожане
оказывают помощь

в покупке-продаже квартир,
разъездах, оформлении бумаг,
гарантировании сделок.
Тел. +7-916-570-47-35.

В связи с эпидемиологической обстановкой работа кружков может быть временно приостановлена.

РАСПИСАНИЕ БОГОСЛУЖЕНИЙ

ХРАМ
СВЯТИТЕЛЯ МИТРОФАНА
ВОРОНЕЖСКОГО

ХРАМ
БЛАГОВЕЩЕНИЯ
ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

ФЕВРАЛЬ

пн 1	<p>Седмица 35-я по Пятидесятнице (рядовые чтения 31-й седмицы). Прп. Макария Великого, Египетского (390–391). Свт. Марка, архиеп. Ефесского (1444). Блж. Феодора, Христа ради юродивого, Новгородского (1392). Прп. Макария Римлянина, Новгородского (XVI)</p> <p>Прп. Макария, постника Печерского, в Ближних пещерах (XII). Прп. Макария, диакона Печерского, в Дальних пещерах (XIII–XIV). Обрѣтение мощей прп. Саввы Сторожевского, Звенигородского (1652). Мц. Евфрасии девы (303). Прп. Макария Александрийского (394–395). Свт. Арсения, архиеп. Керкирского (ок. 953). Прп. Антония Марткопского, столпника (VI) (Груз.)</p> <p>Сщмч. Петра <i>Скипетрова</i> пресвитера (1918); сщмч. Николая <i>Восторгова</i> пресвитера (1930); мч. Феодора <i>Гусева</i> (1940)</p> <p style="text-align: center;"><i>День интронизации Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла</i></p>	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	<i>о. Михаил</i>	8 ⁰⁰ (С)	<i>о. Николай</i>
		Вечерня Утрени	17 ⁰⁰	<i>о. Федор К.</i>	17 ⁰⁰ (Ю)	<i>о. Андрей С.</i>
вт 2	<p>Прп. Евфимия Великого (473)</p> <p>Прпп. Евфимия схимника (XIV) и Лаврентия затворника (XIII–XIV), Печерских, в Дальних пещерах. Прп. Евфимия Сянжемского, Вологодского (ок. 1465). Мчч. Инны, Пинны и Риммы (I–II). Мчч. Васса, Евсевия, Евтихия и Василида (303). Прп. Евфимия исп. (1944) (Груз.)</p> <p>Сщмч. Павла <i>Добромыслова</i> пресвитера (1940)</p>	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	<i>о. Федор К.</i>	8 ⁰⁰ (Ю)	<i>о. Андрей С.</i>
		Вечерня Утрени	17 ⁰⁰	<i>о. Дмитрий Н. д. Феодосий*</i>	17 ⁰⁰ (Ю)	<i>о. Илья</i>
ср 3	<p>Прп. Максима Исповедника (662). Мч. Неофита (303–305). Мчч. Евгения, Кандида, Валериана и Акилы (III). Прп. Максима Грека (1556)</p> <p>Мц. Агнии девы (ок. 304). Прп. Анастасия исп. (662)</p> <p>Сщмч. Илии <i>Березовского</i> пресвитера (1938)</p> <p>Ктиторской (IV) и именуемой «Отрада», или «Утешение» (807), Ватопедских икон Божией Матери</p>	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	<i>о. Дмитрий Н.</i>	8 ⁰⁰ (Ю)	<i>о. Илья о. Александр Т.*</i>
		Вечерня Утрени	17 ⁰⁰	<i>о. Андрей Щ.</i>	17 ⁰⁰ (С)	<i>о. Владимир Л.</i>
чт 4	<p>Ап. Тимофея (ок. 96). Прмч. Анастасия Пѣрсянина (628). Прп. Макария Жабынского, Белевского, чудотворца (1623)</p> <p>Прмч. Анастасия, диакона Печерского, в Ближних пещерах (XII). Мчч. Мануила, Георгия, Петра, Леонтия епископов, Сиония, Гавриила, Иоанна, Леонта, Парода пресвитеров и прочих 377-ми (ок. 817)</p> <p>Сщмчч. Иоанна <i>Успенского</i> и Евфимия <i>Тихонравова</i> пресвитеров (1938)</p>	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	<i>о. Андрей Щ.</i>	8 ⁰⁰ (С)	<i>о. Владимир Л. о. Александр Б.*</i>
		Вечерня Утрени	17 ⁰⁰	<i>о. Филипп д. Яков*</i>	17 ⁰⁰ (С)	<i>о. Александр Ш.</i>
пт 5	<p>Сщмч. Климента, еп. Анкирского, и мч. Агафангела (312)</p> <p>Прп. Геннадия Костромского, Любимовградского (1565). Собор Костромских святых. Перенесение мощей свт. Феоктиста, архиеп. Новгородского (1786). Прп. Мавсимы Сирина (IV). Прп. Саламана молчальника (ок. 400). Свт. Павлина Милостивого, еп. Ноланского (431). Воспоминание VI Вселенского Собора (680–681)</p> <p>Прмч. Серафима <i>Булашова</i>, прмцц. Евдокии <i>Кузьминовой</i> и Екатерины <i>Черкасовой</i>, мц. Милицы <i>Кувшиновой</i> (1938)</p>	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	<i>о. Филипп</i>	8 ⁰⁰ (С)	<i>о. Александр Ш.</i>
		Вечерня Утрени	17 ⁰⁰	<i>о. Илья</i>	17 ⁰⁰ (Ю)	<i>о. Александр Б.</i>

сб 6	Прп. Ксении (V). Блж. Ксении Петербургской (XIX) Свт. Герасима Великопермского, Устьвымского (1441). Мч. Иоанна Казанского (1529). Мчч. Вавилы Сицилийского и учеников его Тимофея и Агапия (III). Прп. Македония, сирийского пустынноика (ок. 420). Перенесение мощей прмч. Анастасия Пёрсянина (VII)	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	о. Илья <i>крестины</i> о. Анатолий	8 ⁰⁰ (Ю)	о. Александр Б. <i>д. Виктор</i> <i>крестины</i> о. Андрей С.
		Всенощное бдение Исповедь	17 ⁰⁰	о. Анатолий о. Дмитрий Н. о. Михаил	15 ³⁰ (В)	о. Николай о. Филипп
вс 7	Неделя 35-я по Пятидесятнице. Глас 2-й Собор новомучеников и исповедников Церкви Русской. Свт. Григория Богослова, архиеп. Константинопольского (389). Прп. Анатолия Оптинского, Старшего (1894). Сщмч. Владимира, митр. Киевского (1918) Свт. Моисея, архиеп. Новгородского (1362). Мц. Филицаты и сыновей ее: Ианнуария, Феликса, Филиппа, Сильвана, Александра, Виталия и Марциала (ок. 164). Прп. Поплия Сирийского (ок. 380). Прп. Мара певца (ок. 430) Сщмч. Петра, архиеп. Воронежского (1929); сщмч. Василия, еп. Прилукского (1930); сщмч. Стефана <i>Грачева</i> пресвитера, мч. Бориса <i>Заварина</i> (1938) Иконы Божией Матери, именуемой «Утоли моя печали» (принесена в Москву в 1640 г.) <i>Поминовение всех усопших, пострадавших в годину гонений за веру Христову</i>	Исповедь Божественная литургия	7 ⁰⁰ (Ел)	о. Андрей Щ.	6 ⁴⁵ (Ю)	о. Александр Т. о. Андрей С.
		Исповедь Часы Молебен	8 ³⁰	о. Анатолий о. Михаил	9 ⁰⁰ (Ц)	о. Федор <i>(все)</i>
		Божественная литургия	9 ³⁰		10 ⁰⁰ (Ц)	
		Вечерняя Утреня	17 ⁰⁰	о. Михаил		
		Всенощное бдение Исповедь			17 ⁰⁰ (Ю)	о. Федор <i>(все)</i>
		Молебен свт. Митрофану	18 ³⁰	о. Михаил		
пн 8	Седмица 36-я по Пятидесятнице (рядовые чтения 32-й седмицы). Прпп. Ксенофонта, супруги его Марии и сыновей их Аркадия и Иоанна (V–VI) (<i>престольный праздник Благовещенского храма</i>) Прп. Ксенофонта Робейского (1262). Мчч. Анании пресвитера, Петра, темничного стража, и с ними семи воинов (295). Прп. Симеона Ветхого (ок. 390). Перенесение мощей прп. Феодора, игумена Студийского (845). Свт. Иосифа, архиеп. Солунского (830). Блгв. Давида IV Возобновителя (Строителя), царя Иверии и Абхазии (1125) (Груз.) Мч. Иоанна <i>Попова</i> (1938)	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	о. Михаил	8 ⁰⁰ (Ю)	о. Федор <i>(все)</i>
		Вечерняя Утреня	17 ⁰⁰	о. Федор К.	17 ⁰⁰ (Ю)	о. Андрей С. о. Николай*
вт 9	Перенесение мощей святителя Иоанна Златоуста (438)	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	о. Федор К.	8 ⁰⁰ (Ю)	о. Андрей С.
		Вечерняя Утреня	17 ⁰⁰	о. Дмитрий Н. <i>д. Феодосий*</i>	17 ⁰⁰ (С)	о. Илья
ср 10	Прп. Ефрема Сирина (373–379). Прп. Феодосия Тотемского (1568) Прп. Ефрема Новоторжского (1053). Прп. Ефрема Печерского, еп. Переяславского (ок. 1098). Прп. Палладия пустынноика (IV). Прп. Исаака Сирина, еп. Ниневийского (VII) Св. Феодора <i>Богоявленского</i> исп., пресвитера (1933); сщмч. <i>Игнатия</i> , еп. Скопинского, Владимира <i>Пищулина</i> пресвитера и прмч. Варфоломея <i>Ратных</i> , мц. Ольги <i>Евдокимовой</i> (1938); прп. Леонтия <i>Стасевича</i> исп. (1972) Суморинской-Тотемской иконы Божией Матери	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	о. Дмитрий Н.	8 ⁰⁰ (С)	о. Илья о. Александр Т.*
		Вечерняя Утреня	17 ⁰⁰	о. Андрей Щ.	17 ⁰⁰ (С)	о. Владимир Л.
чт 11	Перенесение мощей сщмч. Игнатия Богоносца (107) Свт. Лаврентия, затворника Печерского, еп. Туровского, в Ближних пещерах (1194). Свт. Герасима (1441–1467), Питирима (1455), Ионы (1470), епископов Великопермских, Устьвымских. Собор Коми святых . Мчч. Романа, Иакова, Филофея, Иперихия, Авива, Иулиана и Паригория (297). Мчч. Сильвана епископа, Луки диакона и Мокия ттеца (312). Собор Екатеринбургских святых Сщмчч. Иоанна <i>Гранитова</i> и Леонтия <i>Клименко</i> пресвитеров, Константина <i>Зверева</i> диакона и с ними 5-ти мучеников (1920)	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	о. Андрей Щ.	8 ⁰⁰ (С)	о. Владимир Л. о. Александр Б.*
		Всенощное бдение Исповедь	17 ⁰⁰	о. Филипп <i>д. Яков*</i>	17 ⁰⁰ (Ц)	о. Александр Ш.

пт 12	<p>Собор вселенских учителей и святителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого. Сщмч. Ипполита и с ним мчч. Кенсорина, Савина и 20-ти мучеников: Хрисии девы и прочих (III). Блж. Пелагии Дивеевской (1884)</p> <p>Прп. Зинона, постника Печерского, в Дальних пещерах (XIV). Прп. Зинона, ученика свт. Василия Великого (V). Мч. Феофила Нового (784). Блгв. Петра, царя Болгарского (967)</p> <p>Сщмч. Владимира <i>Хрищеновича</i> пресвитера (1933); мч. Стефана <i>Наливайко</i> (1945)</p>	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	о. Филипп о. Михаил	8 ⁰⁰ (Ц)	о. Александр Ш. о. Александр Б.
		Вечерняя Утреня	17 ⁰⁰	о. Анатолий	17 ⁰⁰ (Ю)	о. Александр Б.
сб 13	<p>Бессребреников мчч. Кира и Иоанна и с ними мцц. Афанасии и дочерей ее Феодотии, Феоктисты и Евдоксии (311). Свт. Никиты, затворника Печерского, еп. Новгородского (1108)</p> <p>Мчч. Викторина, Виктора, Никифора, Клавдия, Диодора, Серапиона и Папия (251). Мц. Трифены Кизической</p>	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	о. Анатолий <i>крестины</i> о. Михаил	8 ⁰⁰ (Ю)	о. Александр Б. <i>крестины</i> о. Александр Т.
		Всенощное бдение Исповедь	17 ⁰⁰	о. Дмитрий Н. о. Анатолий о. Михаил	15 ³⁰ (В)	о. Андрей С. о. Филипп
					17 ⁰⁰ (Ц)	о. Федор <i>д. Виктор</i> <i>(все)</i>
вс 14	<p>Неделя 36-я по Пятидесятнице. Глас 3-й</p> <p>Предпразднство Сретения Господня. Мч. Трифона (250)</p> <p>Мц. Перпетуи, мчч. Сатира, Ревоката, Саторнила, Секунда и мц. Филицитаты (202–203). Прп. Петра Галатийского (429). Прп. Вендимиана, пустытника Вифинийского (ок. 512). Собор святых Пермской митрополии (переходящее празднование в 1-е воскресенье после 29 января)</p> <p>Сщмч. Николая <i>Мезенцева</i> пресвитера (1938)</p>	Исповедь Божественная литургия	7 ⁰⁰ (Ел)	о. Андрей Щ.	6 ⁴⁵ (Ю)	о. Александр Б. <i>о. Николай</i>
					8 ³⁰ (В)	о. Андрей С. о. Филипп
		Исповедь Часы Молебен	8 ³⁰	о. Дмитрий Н. о. Михаил <i>о. Анатолий</i>	9 ⁰⁰ (Ц)	о. Федор <i>(все)</i>
		Божественная литургия	9 ³⁰		10 ⁰⁰ (Ц)	
		Всенощное бдение Исповедь	17 ⁰⁰	о. Михаил о. Дмитрий Н. о. Анатолий	15 ³⁰ (В)	о. Николай о. Андрей Щ.
					17 ⁰⁰ (Ц)	о. Федор <i>(все)</i>
Молебен свт. Митрофану	19 ⁰⁰	о. Михаил				
пн 15	<p>Седмица 37-я по Пятидесятнице (рядовые чтения 33-й седмицы)</p> <p>Сретение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа</p>	Исповедь Божественная литургия	7 ⁰⁰ (Ел)	о. Дмитрий Н.	7 ⁰⁰ (В)	о. Николай о. Андрей Щ.
		Исповедь Часы	9 ⁰⁰	о. Михаил о. Анатолий	9 ⁰⁰ (Ц)	о. Федор <i>(все)</i>
		Божественная литургия	9 ³⁰		10 ⁰⁰ (Ц)	
		Вечерняя Утреня	17 ⁰⁰	о. Федор К.		
		Всенощное бдение Исповедь			17 ⁰⁰ (С)	о. Федор <i>(все)</i>
вт 16	<p>Попразднство Сретения Господня. Правв. Симеона Богоприимца и Анны пророчицы (<i>престольный праздник Благовещенского храма</i>). Равноап. Николая, архиеп. Японского (1912)</p> <p>Блгв. кн. Романа Угличского (1285). Свт. Симеона, еп. Полоцкого, еп. Тверского (1289). Свт. Игнатия Мариупольского (1786). Прор. Азарии (X в. до Р.Х.). Мчч. Папия, Диодора, Клавдиана (250). Мчч. Адриана и Еввула (ок. 308–309). Мч. Власия Кесарийского (III)</p> <p>Сщмчч. Иоанна <i>Томилова</i>, Тимофея <i>Изотова</i>, Адриана <i>Троицкого</i>, Василия <i>Залесского</i> пресвитеров, прмч. Владимира <i>Загребы</i> и мч. Михаила <i>Агаева</i> (1938)</p>	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	о. Федор К. <i>о. Анатолий*</i>	8 ⁰⁰ (С)	о. Федор <i>о. Андрей С.</i> <i>(все)</i>
		Вечерняя Утреня	17 ⁰⁰	о. Дмитрий Н.	17 ⁰⁰ (Ю)	о. Илья

ср 17	Прп. Исидора Пелусиотского (ок. 436–440). Блгв. вел. кн. Георгия (Юрия) Всеволодовича Владимирского (1238). Прп. Кирилла Новоезерского (1532) Прпп. Авраамия и Коприя Печенгских, Вологодских (XV). Мч. Иадора (III). Сщмч. Авраамия, еп. Арвильского (ок. 344–347). Прп. Николая исп., игумена Студийского (868) Сщмч. Мефодия, еп. Петропавловского (1921); сщмч. Евстафия Сокольского, Иоанна Артоблевского, Александра Минервина, Сергия Соловьёва, Иоанна Алешковского, Александра Соколова, Николая Кандаурова, Алексия Княжеского, Николая Голышева, Алексия Шарова, Александра Покровского, Аркадия Лобцова, Бориса Назарова, Михаила Рыбина, Николая Поспелова, Алексия Лебедева, Андрея Беднова, Дмитрия Кедровского, Иоанна Тихомирова, Петра Соколова пресвитеров, прмчч. Серафима Вавилова, Феодосия Бобкова, прмцц. Рафаилы Вишняковой, Анны Ефремовой, Марии Виноградовой, Екатерины Декалиной и мчч. Иоанна Шувалова, Василия Иванова, Дмитрия Ильинского, Феодора Пальшкова и Дмитрия Казамацкого (1938)	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	о. Дмитрий Н.	8 ⁰⁰ (Ю)	о. Илья о. Александр Б.*
		Вечерняя Утреня	17 ⁰⁰	о. Андрей Щ.	17 ⁰⁰ (Ю)	о. Владимир Л.
чт 18	Мц. Агафии (251). Свт. Феодосия, архиеп. Черниговского (1696) Мц. Феодулии и мчч. Елладия, Макария и Евагрия (ок. 304) Прмч. Николая Цикуры (1918); прмц. Александры Каспаровой, мч. Михаила Амелюшкина (1942) Елецкой-Черниговской (1060), Сицилийской, или Дивногорской (1092), и именуемой «Взыскание погибших» икон Божией Матери	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	о. Андрей Щ.	8 ⁰⁰ (Ю)	о. Владимир Л. д. Феодосий
		Вечерняя Утреня	17 ⁰⁰	о. Александр Т.	17 ⁰⁰ (С)	о. Филипп
пт 19	Прп. Вукола, еп. Смирнского (ок. 100) Прпп. Варсонофия Великого и Иоанна Пророка (VI). Свт. Фотия, патриарха Константинопольского (891). Мцц. Дорофеи, Христины, Каллисты и мч. Феофила (288–300). Мч. Иулиана (312). Мц. Фавсты и мчч. Евиласия и Максима (305–311). Мцц. Марфы, Марии и брата их прмч. Ликариона отрока Сщмч. Дмитрия Рождественского пресвитера и мч. Анатолия Рождественского (1921); сщмч. Василия Надеждина пресвитера (1930); сщмч. Александра Телемакова пресвитера (1938)	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	о. Александр Т.	8 ⁰⁰ (С)	о. Филипп
		Вечерняя Утреня	17 ⁰⁰	о. Анатолий	17 ⁰⁰ (Ю)	о. Александр Б.
сб 20	Прп. Парфения, еп. Лампсакийского (IV). Прп. Луки Елладского (ок. 946) Мчч. 1003 Никомидийских (303) Сщмч. Александра Талызина пресвитера (1938); сщмч. Алексия Троицкого пресвитера (1942)	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	о. Анатолий крестины о. Филипп	8 ⁰⁰ (Ю)	о. Александр Б. крестины о. Александр Ш.
		Всенощное бдение Исповедь	17 ⁰⁰	о. Михаил о. Анатолий о. Дмитрий Н.	15 ³⁰ (В)	о. Александр Т. о. Николай
					17 ⁰⁰ (Ц)	о. Андрей С. д. Виктор (все)
вс 21	Неделя о мытаре и фарисее. Глас 4-й Вмч. Феодора Стратилата (319). Прор. Захарии Серповидца, из 12-ти (ок. 520 г. до Р.Х.) Свт. Саввы II, архиеп. Сербского (1271) Сщмчч. Симеона Кульгавца, Андрея Добрынина, Сергия Любимудрова и Петра Маркова пресвитеров (1938); сщмч. Александра Абиссова пресвитера (1942) <i>Начало Постной Триоды</i>	Исповедь Божественная литургия	7 ⁰⁰ (Ел)	о. Андрей Щ.	6 ⁴⁵ (Ю)	о. Александр Б. о. Филипп
		Исповедь Часы Молебен	8 ³⁰	о. Михаил о. Анатолий о. Дмитрий Н.	9 ⁰⁰ (Ц)	о. Андрей С. (все)
					10 ⁰⁰ (Ц)	
		Божественная литургия	9 ³⁰			
		Вечерняя Утреня	17 ⁰⁰	о. Михаил	17 ⁰⁰ (Ю)	о. Николай
Молебен свт. Митрофану	18 ³⁰	о. Михаил				

пн 22	<p>Седмица сплошная. Отдание праздника Сретения Господня. Мч. Никифора, из Антиохии Сирской (ок. 257). Обрѣтение мощей свт. Иннокентия, еп. Иркутского (1805). Обрѣтение мощей свт. Тихона, патриарха Московского и всея России (1992)</p> <p>Прп. Панкратия Печерского, в Дальних пещерах (XIII). Прпп. Никифора (1557) и Геннадия (ок. 1516), Важеозерских. Сщмчч. Маркелла, еп. Сицилийского, Филагрия, еп. Кипрского, и Панкратия, еп. Тавроменийского (I)</p> <p>Сщмчч. Василия <i>Измайлова</i> пресвитера (1930); сщмчч. Иоанна <i>Фрязинова</i> пресвитера (1938)</p> <p style="text-align: right;"><i>В течение всей седмицы, включая среду и пятницу, поста нет</i></p>	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	о. Михаил	8 ⁰⁰ (Ю)	о. Николай
		Вечерняя Утреня	17 ⁰⁰	о. Федор К.	17 ⁰⁰ (С)	о. Андрей С.
вт 23	<p>Сщмчч. Харалампия и с ним мчч. Порфирия, Ваптоса и трех мучениц (202)</p> <p>Блгв. кн. Анны Новгородской (XI). Прп. Прохора Печерского, в Ближних пещерах (1107). Прп. Лонгина Коряжемского (1540). Прав. Галины (III). Мцц. дев Еннафы, Валентины и Павлы (308)</p> <p>Сщмчч. Константина <i>Верецкого</i> пресвитера (1918); сщмчч. Петра <i>Грудинского</i> и Валериана <i>Новицкого</i> пресвитеров (1930)</p> <p>Иконы Божией Матери «Огневидная»</p>	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	о. Федор К. о. Анатолий*	8 ⁰⁰ (С)	о. Андрей С.
		Вечерняя Утреня	17 ⁰⁰	о. Дмитрий Н.	17 ⁰⁰ (С)	о. Илья
ср 24	<p>Сщмчч. Власия, еп. Севастийского (ок. 316). Блгв. кн. Всеволода, во Святом Крещении Гавриила, Псковского (1138). Прп. Димитрия Прилуцкого, Вологодского (1392). Прп. Кассиана Босого, Волоколамского (1532)</p> <p>Прав. Феодоры, царицы Греческой, восстановившей почитание святых икон (ок. 867)</p>	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	о. Дмитрий Н.	8 ⁰⁰ (С)	о. Илья о. Александр Б.*
		Вечерняя Утреня	17 ⁰⁰	о. Андрей Щ.	17 ⁰⁰ (Ю)	о. Александр Ш.
чт 25	<p>Иверской иконы Божией Матери. Свт. Мелетия, архиеп. Антиохийского (381). Свт. Алексия, митр. Киевского, Московского и всея Руси, чудотворца (1378). Свт. Мелетия, архиеп. Харьковского (1840)</p> <p>Прп. Марии, именованной Марином, и отца ее Евгения (VI). Свт. Антония, патриарха Константинопольского (895). Прп. Мелетия Ипсенийского (XIX)</p>	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	о. Андрей Щ. о. Анатолий д. Яков	8 ⁰⁰ (Ю)	о. Александр Ш. о. Александр Б.
		Вечерняя Утреня	17 ⁰⁰	о. Филипп	17 ⁰⁰ (С)	о. Александр Т.
пт 26	<p>Прп. Мартинаиана (V). Свт. Серафима (Соболева), архиеп. Богучарского (1950)</p> <p>Прпп. Зои и Фотинии (Светланы) (V). Прп. Евлогия, архиеп. Александрийского (607–608). Прп. Стефана, в иночестве Симеона, царя Сербского, Мироточивого (1200). Собор святых Омской митрополии</p> <p>Сщмчч. Василия <i>Триумфова</i> и Гавриила <i>Преображенского</i> пресвитеров (1919); сщмчч. Зосимы <i>Трубачева</i>, Николая <i>Добролюбова</i>, Василия <i>Горбачева</i>, Иоанна <i>Покровского</i>, Леонтия <i>Гризмальского</i>, Владимира <i>Покровского</i>, Парфения <i>Грузинова</i>, Иоанна <i>Калабухова</i>, Иоанна <i>Косинского</i>, Михаила <i>Попова</i> пресвитеров и Евгения <i>Никольского</i> диакона, прмцц. Анны <i>Корнеевой</i>, Веры <i>Морозовой</i> и Ирины <i>Хвостовой</i>, мч. Павла <i>Соколова</i> (1938)</p>	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	о. Филипп	8 ⁰⁰ (С)	о. Александр Т.
		Вечерняя Утреня	17 ⁰⁰	о. Анатолий	17 ⁰⁰ (Ю)	о. Александр Б.
сб 27	<p>Прп. Авксентия (ок. 470). Равноап. Кирилла, учителя Словенского (869)</p> <p>Прп. Исаакия, затворника Печерского, в Ближних пещерах (ок. 1090). 12-ти греков, строителей соборной Успенской церкви в Киево-Печерской Лавры (XI). Перенесение мощей блгв. кн. Михаила Черниговского и боярина его Феодора (1578). Прп. Марона, пустынника Сирийского (IV). Свт. Авраамия, еп. Каррийского (V). Прп. Илариона Грузина, Святогорца (1864) (Груз.)</p> <p>Сщмчч. Павла <i>Дернова</i> пресвитера и сыновей его мчч. Бориса, Григория и Симеона (1918); сщмчч. Онисима, еп. Тульского (1937); сщмчч. Трифона <i>Родонежского</i> диакона (1938)</p>	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	о. Анатолий крестины о. Дмитрий Н.	8 ⁰⁰ (Ю)	о. Александр Б. д. Виктор* крестины о. Николай
		Всенощное бдение Исповедь	17 ⁰⁰	о. Анатолий о. Михаил о. Дмитрий Н.	15 ³⁰ (В)	о. Андрей С. о. Филипп
					17 ⁰⁰ (Ц)	о. Николай (все)

вс 28	Неделя о блудном сыне. Глас 5-й Ап. от 70-ти Онисима (ок. 109) Прп. Пафнутия, затворника Печерского, в Дальних пещерах (XIII). Прп. Пафнутия и дщери его Евфросинии (V). Прп. Евсевия, пустынноика Сирийского (V). Прп. Анфима Хиосского (1960) Сщмчч. <i>Михаила</i> Пятаева и <i>Иоанна</i> Куминова пресвитеров (1930); сщмчч. <i>Николая</i> Морковина, <i>Алексия</i> Никитского, <i>Алексия</i> Смирнова пресвитеров, <i>Симеона</i> Кулямина диакона, прмч. <i>Павла</i> Козлова и прмч. <i>Софии</i> Селиверстовой (1938) Виленской (перенесение в Вильно в 1495 г.) и Далматской (1646) икон Божией Матери	Исповедь Божественная литургия	7 ⁰⁰ (Ел)	о. Дмитрий Н.	6 ⁴⁵ (Ю)	о. Александр Т. о. Александр Б.
					8 ³⁰ (В)	о. Андрей С. о. Филипп
		Исповедь Часы Молебн	8 ³⁰	о. Анатолий о. Михаил	9 ⁰⁰ (Ц)	о. Николай (все)
		Божественная литургия	9 ³⁰		10 ⁰⁰ (Ц)	
		Вечерняя Утреня	17 ⁰⁰	о. Михаил	17 ⁰⁰ (С)	о. Николай
		Молебен свт. Митрофану	18 ³⁰	о. Михаил		

М А Р Т

пн 1	Мчч. Памфила пресвитера, Валента (Уалента) диакона, Павла, Порфирия, Селевкия, Феодула, Иулиана, Самуила, Илии, Даниила, Иеремии, Исаии (307–309). Свт. Московского Макария (1926) Мчч. Персидских в Мартирополе (IV). Прп. Маруфа, еп. Месопотамского (422)	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	о. Михаил	8 ⁰⁰ (С)	о. Николай
		Вечерняя Утреня	17 ⁰⁰	о. Федор К.	17 ⁰⁰ (Ю)	о. Андрей С.
вт 2	Вмч. Феодора Тирона (ок. 306). Сщмч. Ермогена, патриарха Московского и всея России, чудотворца (1612) Прп. Феодора молчаливого, Печерского, в Дальних пещерах (XIII). Прав. Мариамны, сестры ап. Филиппа (I). Обрѣтение мощей мч. Мины Калликелада (867–889) Сщмчч. <i>Михаила Никологорского</i> и <i>Павла Косминкова</i> пресвитеров (1938); мч. <i>Анны Четвериковой</i> (1940)	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	о. Федор К. д. <i>Феодосий*</i>	8 ⁰⁰ (Ю)	о. Андрей С.
		Вечерняя Утреня	17 ⁰⁰	о. Дмитрий Н.	17 ⁰⁰ (С)	о. Илья
ср 3	Свт. Льва, папы Римского (461) Прп. Космы Яхромского (1492). Свт. Агапита исп., еп. Синадского (IV). Свт. Флавиана исп., патриарха Цареградского (449–450) Прп. Владимира <i>Терентьева</i> исп. (1933)	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	о. Дмитрий Н.	8 ⁰⁰ (С)	о. Илья о. Александр Б.*
		Вечерняя Утреня	17 ⁰⁰	о. Андрей Щ.	17 ⁰⁰ (С)	о. Владимир Л.
чт 4	Апп. от 70-ти Архиппа и Филимона и мч. равноап. Апфии (I). Прп. Феодора Санаксарского (1791) Мчч. Максима, Феодота, Исихия, мч. Асклиподоты (305–311). Прпп. Евгения и Макария испп., пресвитеров Антиохийских (363). Прп. Досифея (VII), ученика прп. аввы Дорофея. Прп. Раулы (ок. 530) Мч. Димитрия <i>Волкова</i> (1942)	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	о. Андрей Щ. д. <i>Яков*</i>	8 ⁰⁰ (С)	о. Владимир Л.
		Вечерняя Утреня	17 ⁰⁰	о. Александр Т.	17 ⁰⁰ (С)	о. Филипп
пт 5	Прп. Льва, еп. Катанского (ок. 780). Прмчч. Валаамских: Тита, Тихона, Геласия, Сергия, Варлаама, Саввы, Конона, Сильвестра, Киприана, Пимена, Иоанна, Самона, Ионы, Давида, Корнилия, Нифонта, Афанасия, Серапиона, Варлаама, Афанасия, Антония, Луки, Леонтия, Фомы, Дионисия, Филиппа, Игнатия, Василия, Пахомия, Василия, Феофила, Иоанна, Феодора, Иоанна (1578) Блгв. кн. Ярослава Мудрого (1054). Прп. Агафона Печерского, в Дальних пещерах (XIII–XIV). Прмч. Корнилия Псково-Печерского (1570). Сщмч. Садока, еп. Персидского, и с ним 128-ми мучеников (342–344). Прп. Агафона, папы Римского (682) Сщмч. <i>Николая Розова</i> пресвитера (1938)	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	о. Александр Т.	8 ⁰⁰ (С)	о. Филипп
		Вечерняя Утреня	17 ⁰⁰	о. Михаил о. Анатолий	17 ⁰⁰ (Ц)	о. Федор о. Николай о. Александр Б.

сб 6	<p>Вселенская родительская (мясопустная) суббота. Память совершаем всех от века усопших православных христиан, отец и братьев наших. Прп. Тимофея в Символах (795). Свт. Евстафия, архиеп. Антиохийского (337)</p> <p>Свт. Георгия, еп. Амастридского (802–811)</p> <p>Сщмчч. Александра <i>Вислянского</i>, Даниила <i>Алферова</i> и Григория <i>Хлебунова</i> пресвитеров (1930); сщмчч. Константина <i>Пятикрестовского</i> пресвитера, Павла <i>Широкогорова</i> диакона (1938); мц. Ольги <i>Кошелевой</i> (1939)</p> <p>Козельщанской иконы Божией Матери (1881)</p>	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	о. Михаил <i>крестины</i> о. Анатолий	8 ⁰⁰ (Ц)	о. Федор о. Николай о. Александр Б. <i>д. Виктор</i> <i>крестины</i> о. Андрей С.
		Всенощное бдение Исповедь	17 ⁰⁰	о. Дмитрий Н. о. Анатолий о. Михаил	15 ³⁰ (В)	о. Николай о. Филипп
вс 7	<p>Неделя мясопустная, о Страшном Суде. Глас 6-й</p> <p>Обрѣтение мощей мучеников, иже во Евгении (395–423)</p> <p>Мчч. Маврикия и 70-ти воинов: Фотина, Феодора, Филиппа и иных (ок. 305). Прпп. Фалассия, Лимния и Варадата, пустынников Сирийских (V). Прп. Афанасия исп. (821)</p> <p>Сщмчч. Иосифа <i>Смирнова</i> и Владимира <i>Ильинского</i> пресвитеров, Иоанна <i>Касторского</i> диакона и мч. Иоанна <i>Перебаскина</i> (1918); сщмчч. Михаила <i>Горбунова</i>, Иоанна <i>Орлова</i>, Виктора <i>Моригеровского</i>, Иоанна <i>Парусникова</i>, Сергия <i>Белокурова</i>, Андрея <i>Ясенева</i>, Павла <i>Смирнова</i> пресвитеров, прмчч. Сергия <i>Букашкина</i> и Антипы <i>Кириллова</i>, прмц. Параскевы <i>Макаровой</i>, мчч. Стефана <i>Франтова</i> и Николая <i>Некрасова</i>, мцц. Елисаветы <i>Тимохиной</i>, Ирины <i>Смирновой</i> и Варвары <i>Лосевой</i> (1938); мч. Андрея <i>Гневышева</i> (1941); прмч. Филарета <i>Пряхина</i> (1942)</p> <p style="text-align: right;"><i>Заговенье на мясо</i></p>	Исповедь Божественная литургия	7 ⁰⁰ (Ел)	о. Андрей Щ.	6 ⁴⁵ (Ю)	о. Андрей С. о. Александр Т.
					8 ³⁰ (В)	о. Николай о. Филипп
		Исповедь Часы Молебен	8 ³⁰	о. Дмитрий Н. о. Анатолий о. Михаил	9 ⁰⁰ (Ц)	о. Федор <i>(все)</i>
		Божественная литургия	9 ³⁰		10 ⁰⁰ (Ц)	
		Вечерняя Утренняя	17 ⁰⁰	о. Михаил	17 ⁰⁰ (Ю)	о. Николай
		Молебен свт. Митрофану	18 ³⁰	о. Михаил		

В Благовещенском и Митрофаниевском храмах ежедневно дежурит священник или диакон, к которому можно обращаться со своими вопросами и нуждами. Имя дежурного в расписании выделено курсивом. Знаком (*) отмечен дежурный священник, не принимающий участия в службах.

ХРАМ СВЯТОГО МУЧЕНИКА ВОНИФАТИЯ. Служащие о. Борис, о. Филипп

вт 2 ФЕВРАЛЯ	16 ³⁰ – Молебен с акафистом мч. Вонифатию
ср 3 ФЕВРАЛЯ	8 ³⁰ – Часы. Исповедь. Божественная литургия
вт 9 ФЕВРАЛЯ	16 ³⁰ – Молебен с акафистом мч. Вонифатию
ср 10 ФЕВРАЛЯ	8 ³⁰ – Часы. Исповедь. Божественная литургия
пн 15 ФЕВРАЛЯ	8 ³⁰ – Часы. Исповедь. Божественная литургия
вт 16 ФЕВРАЛЯ	16 ³⁰ – Молебен с акафистом мч. Вонифатию
вт 23 ФЕВРАЛЯ	16 ³⁰ – Молебен с акафистом мч. Вонифатию
ср 24 ФЕВРАЛЯ	8 ³⁰ – Часы. Исповедь. Божественная литургия
вт 2 МАРТА	16 ³⁰ – Молебен с акафистом мч. Вонифатию
ср 3 МАРТА	8 ³⁰ – Часы. Исповедь. Божественная литургия

ХРАМ ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ. *Служащий о. Борис*

ПТ 26 ЯНВАРЯ 17⁰⁰ – Вечерня. Утреня

СБ 27 ЯНВАРЯ 8³⁰ – Часы. Исповедь. Божественная литургия

ХРАМ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА ВЛАДИМИРА МЕДВЕДЮКА. *Служащий о. Александр Б.*

ВС 7 ФЕВРАЛЯ 8³⁰ – Исповедь. Божественная литургия

ХРАМ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА ИОАННА АРТОБОЛЕВСКОГО. *Служащий о. Владимир А.*

ПТ 5 ФЕВРАЛЯ 17⁰⁰ – Вечерня. Утреня

СБ 6 ФЕВРАЛЯ 9⁰⁰ – Часы. Исповедь. Божественная литургия
17⁰⁰ – Всенощное бдение

ВС 7 ФЕВРАЛЯ 8⁰⁰ – Часы. Исповедь. Божественная литургия

ПН 8 ФЕВРАЛЯ 17⁰⁰ – Вечерня. Утреня

ВТ 9 ФЕВРАЛЯ 9⁰⁰ – Часы. Исповедь. Божественная литургия

СБ 13 ФЕВРАЛЯ 17⁰⁰ – Всенощное бдение

ВС 14 ФЕВРАЛЯ 8⁰⁰ – Часы. Исповедь. Божественная литургия
17⁰⁰ – Всенощное бдение

ПН 15 ФЕВРАЛЯ 9⁰⁰ – Часы. Исповедь. Божественная литургия

ВТ 16 ФЕВРАЛЯ 17⁰⁰ – Всенощное бдение

СР 17 ФЕВРАЛЯ 9⁰⁰ – Часы. Исповедь. Божественная литургия
(*престольный праздник – щмч. Иоанна Артоболевского*)

СБ 20 ФЕВРАЛЯ 17⁰⁰ – Всенощное бдение

ВС 21 ФЕВРАЛЯ 8⁰⁰ – Часы. Исповедь. Божественная литургия

СР 24 ФЕВРАЛЯ 17⁰⁰ – Вечерня. Утреня

ЧТ 25 ФЕВРАЛЯ 9⁰⁰ – Часы. Исповедь. Божественная литургия

СБ 27 ФЕВРАЛЯ 17⁰⁰ – Всенощное бдение

ВС 28 ФЕВРАЛЯ 8⁰⁰ – Часы. Исповедь. Божественная литургия

ПТ 5 МАРТА 17⁰⁰ – Вечерня. Утреня

СБ 6 МАРТА 9⁰⁰ – Часы. Исповедь. Божественная литургия
17⁰⁰ – Всенощное бдение

ВС 7 МАРТА 8⁰⁰ – Часы. Исповедь. Божественная литургия

ЧТ 4 ФЕВРАЛЯ	6 ³⁰ – Часы. Исповедь. Божественная литургия 18 ⁰⁰ – Молебен свт. Спиридону и прп. Андрею Рублеву
ПТ 5 ФЕВРАЛЯ	17 ⁰⁰ – Вечерня. Утренняя
СБ 6 ФЕВРАЛЯ	8 ⁰⁰ – Часы. Исповедь. Божественная литургия 17 ⁰⁰ – Всенощное бдение
ВС 7 ФЕВРАЛЯ	8 ³⁰ – Часы. Исповедь. Божественная литургия
ЧТ 11 ФЕВРАЛЯ	6 ³⁰ – Часы. Исповедь. Божественная литургия 17 ⁰⁰ – Всенощное бдение
ПТ 12 ФЕВРАЛЯ	8 ⁰⁰ – Часы. Исповедь. Божественная литургия 17 ⁰⁰ – Вечерня. Утренняя
СБ 13 ФЕВРАЛЯ	8 ⁰⁰ – Часы. Исповедь. Божественная литургия 17 ⁰⁰ – Всенощное бдение
ВС 14 ФЕВРАЛЯ	8 ³⁰ – Часы. Исповедь. Божественная литургия 17 ⁰⁰ – Всенощное бдение
ПН 15 ФЕВРАЛЯ	8 ⁰⁰ – Часы. Исповедь. Божественная литургия
ЧТ 18 ФЕВРАЛЯ	6 ³⁰ – Часы. Исповедь. Божественная литургия 18 ⁰⁰ – Молебен свт. Спиридону и прп. Андрею Рублеву
ПТ 19 ФЕВРАЛЯ	17 ⁰⁰ – Вечерня. Утренняя
СБ 20 ФЕВРАЛЯ	8 ⁰⁰ – Часы. Исповедь. Божественная литургия 17 ⁰⁰ – Всенощное бдение
ВС 21 ФЕВРАЛЯ	8 ³⁰ – Часы. Исповедь. Божественная литургия
СР 24 ФЕВРАЛЯ	17 ⁰⁰ – Вечерня. Утренняя
ЧТ 25 ФЕВРАЛЯ	8 ⁰⁰ – Часы. Исповедь. Божественная литургия 18 ⁰⁰ – Молебен свт. Спиридону и прп. Андрею Рублеву
ПТ 26 ФЕВРАЛЯ	17 ⁰⁰ – Вечерня. Утренняя
СБ 27 ФЕВРАЛЯ	8 ⁰⁰ – Часы. Исповедь. Божественная литургия 17 ⁰⁰ – Всенощное бдение
ВС 28 ФЕВРАЛЯ	8 ³⁰ – Часы. Исповедь. Божественная литургия

Расписание служб в храме ТРОИЦЫ ЖИВОНАЧАЛЬНОЙ В ГОРЕТОВО см. на сайте hram-goretovo.ru

*В расписание богослужений могут вноситься изменения, вызванные болезнью священников
и другими непредвиденными обстоятельствами.*

5–8 января воспитанники детского дома «Павлин» были в Псково-Печерском монастыре по приглашению митрополита Псковского и Порховского Тихона. Перед своей кончиной о. Димитрий попросил владыку позаботиться о ребятах.

7 января. Рождество Христово.

9 января о. Феодор был в православном детском лагере «Фавор», где побеседовал с ребятами и ответил на их вопросы.

В январе горетовский приход храма Троицы Живоначальной отметил 15-летие возрождения богослужебной жизни. Действительно, после 73-летнего молчания в 2006 году на Рождество Христово была отслужена там первая литургия.

Храм преобразился за эти годы. После установки в декабре 2020 года деисусного чина и верхней части иконостаса внутреннее убранство его практически завершено.

19 декабря, в престольный праздник святителя Николая, снаружи была установлена памятная доска в честь архимандрита Николая (Шаталова), бутовского страдальца, служившего в Горетове диаконом в 1928–1929 годах. А 10 января сего года установлена еще одна памятная доска, надпись на которой гласит: «Настоятелем этого храма в 2006–2017 годах был выдающийся пастырь протоиерей Димитрий Смирнов. Вечная память!»

Протоиерей Илья Шапиро

